

Восемь откровенных интервью с писателем и кинорежиссёром Ермеком Турсуновым

Содержание:

- Ермек Турсунов: «Когда меня ругают, я говорю: да» (25.12.2009)
- Ермек Турсунов: «Я так думаю» (15.01.2010)
- Ермек Турсунов: «Мы можем!» (19.02.10)
- Ермек Турсунов: «Телесериалы – это жвачка для глаз» (1.07.2011)
- Ермек Турсунов. Мастер футбола, мастер кино (21.10.2011)
- Режиссёр Ермек Турсунов: «В лесу все ёлки зелёные» (3.01.2012)
- В Казахстане ложь – форма жизни (13.04.2012)
- Ермек Турсунов: «В хоре петь не получается» (23.04.2012)

* * *

Ермек Турсунов: «Когда меня ругают, я говорю: да»

Гульнар ТАНКАЕВА. Газета «Экспресс К», №240 (16871) от 25.12.2009 г.

Презентация книги «Мамлюк» кинодраматурга и режиссера Ермека Турсунова подтвердила то, что и так не требовало доказательств: еще одному творению Турсунова уготована отнюдь не легкая судьба. Впрочем, судя по всему, он к этому готов.

— Во-первых, я уже отбоялся, – объясняет Ермек Турсунов. – Я уже услышал о себе все, что можно. И еще больше, чего нельзя. Когда-то мне пришлось покинуть страну, думая, что навсегда. Однако вернулся и теперь никуда уезжать не собираюсь. Это во-первых. А во вторых, я не знаю, кто как работает, но я, например, работаю не для того, чтобы получать призы. Я просто делаю то, что мне интересно. Вот вчера я, допустим, писал мультфильм для Тимура Бекмамбетова – и это было мне интересно. А позавчера я писал для Сатыбалды Нарымбетова «Мустафу Шокая». А еще раньше я писал «Мамлюк». И я ни разу не задал себе вопроса: «А что будет потом? Как это воспримут?». Просто если ты даешь себе установку: «Вот сейчас я сделаю это, и это воспримут именно так, а после дадут какой-то «самовар» или медаль», то это все, кранты! Когда я снимаю кино или пишу книгу, я не могу знать, как ее воспримут: я снимаю и пишу то, что чувствую, что думаю, что хочу сказать. А что я хочу сказать – я иной раз и сам не знаю...

— Думаю, «Мамлюк» – это не тот случай.

— Однозначно. Здесь я знал, что хочу сказать, задолго до того, как начал писать. Помнишь, был такой Морис Давыдович Симашко, писатель, ныне покойный? Как-то у нас с ним зашел разговор о национальном герое. У каждой нации есть свой герой. Должен быть. Александр Невский, Махатма Ганди, Джордж Вашингтон: А у нас кто? Махамбет? Абулхаир? Абылай? Конечно. Но кто еще? Особняком. И Симашко мне говорит: «Бейбарс». «А кто это?» – спрашиваю. «Вот – казактын надандыгы (казахское невежество. – Г.Т.)», – сказал мне Морис Давыдович и начал рассказывать абсолютно голливудскую историю. О рабе, который стал царем.

Потом я стал эту тему копать. А еще позже пришло осознанное понимание долга – перед своим народом, перед казахами. Понимание того, что за свою жизнь я должен успеть рассказать, как минимум, о троих: Аль-Фараби, Бейбарсе и Мустафе Шокае. Великий философ, великий воин, великий политик. И эти три величины, на мой субъективный взгляд, – самые большие величины в нашей истории. И знаешь, что их объединяет? Все они похоронены на чужбине. Берлин, Дамаск...

И пусть у каждого из них была своя причина оказаться не здесь, а там, все равно подтверждается все та же истина о пророке в своем отечестве.

— **Не проводя параллели, но констатируя факт. В начале нашего разговора ты сам вспомнил о том, как лет 17 назад тоже оказался не в своем Отечестве.**

— Да, потому что меня все достало. И после командировки в Неваду (по линии антиядерного движения «Невада – Семипалатинск». – Г.Т.) я решил: все, надоело, ну его на фиг, останусь в Америке. И я вернулся домой, подал документы (помню, их еще Серик Абдрахманов подписывал, кажется, он тогда был секретарем горкома партии) и уехал. У меня был one way ticket, билет в одну сторону – в Солт-Лейк-Сити, это штат Юта, рядом с Невадой...

— **Что делал в Америке?**

— Выживал. Я английского языка тогда не знал вообще. Не мог сказать даже «Дай хлеба, есть хочу». Только через год начал как-то изъясняться и что-то делать на каких-то подсобных работах: ассистент режиссера, помощник...

— **И чихали там на твой диплом режиссерских и сценарных курсов.**

— Ну да. Задевало, конечно. Выпускник режиссерских и сценарных курсов при Госкино СССР снимает в Америке социальные ролики для мормонской церкви... Я даже прочел их Библию, и что мне понравилось в ней, так это пункт о разрешенном многоженстве. Но мормоном я все-таки не стал...

— **Американцем ты тоже не стал.**

— Мне там быстро все надоело. Америка – не моя страна. Может быть, слишком поздно туда поехал. Если бы я поехал лет в 20, может, и остался бы. А в 30 с лишним человеку, выросшему в ауле, у которого нутро другое: Я просто органически не вынес. И что делать? Поехал домой. А здесь как раз начинались дикие времена, кооперативы... И я опять начал выживать. Но теперь выживание было совсем другим: я конкретно зарабатывал! Я же из Америки на «Понтиаке» приехал – первый «Понтиак» в Алма-Ате у меня был, ездил, понты колотил... Полный придурок, короче. Доходило до того, что я оптом водкой торговал на базаре, «Галлиной Бланкой»...

— **И почему в бизнесе не остался?**

— Потому что... Ты знаешь, чем бы я ни занимался, я всегда писал. Всегда писал. Что писал – не знаю, сейчас у меня архивы лежат – папки толстые, желтые уже от времени, такие, помнишь, на которых «Дело NN» написано – я даже подходить к ним боюсь. Придет время – и я ползу туда...

— **И напишешь об Аль-Фараби.**

— К Аль-Фараби нужно подойти. Я еще не готов. Я же занимаюсь штучными вещами. Я не занимаюсь мейн-стримом – потоком. А когда ты занимаешься штучными вещами, то понимаешь, что тебе уже поздно размениваться. Вот смотри: «Мамлюк» – это шесть лет, «Келин» – два года плюс три года сценарий, то есть еще пять лет в целом. И если расценивать каждый фильм или книгу как одно слово – а оно так и есть на самом деле, – я и успел-то сказать пока всего пару слов.

— **А сколько хотелось бы?**

— Если за остаток отпущенной мне активной жизни смогу сказать десять, но самых главных, этого достаточно.

— **Тогда озвучь уже сказанные первые два.**

— «Келин» – это гимн женщине, это «мать святая». «Мамлюк» – «Мы были рабами, но стали царями».

— **Не «мы», а он – Бейбарс.**

— Ну да. Вопрос о том, сможем ли мы следом за нашим национальным героем стать царями, до сих пор открыт. С рабским, плебейским сознанием очень трудно бороться...

— **Во время обсуждения твоего фильма художница Сауле Сулейменова, защищая «Келин», очень правильно, на мой взгляд, сказала о нашем комплексе неполноценности.**

— Перефразируя Сауле, хочу сказать: иногда у нас случается путаница. Не надо путать национальную гордость с национальными комплексами. Это разные вещи. Знаешь, что мне удивительно? Я уже побывал с «Келин» где-то в 10 странах. Причем фильм смотрели зрители, скажем так, полярных национальностей: японцы и американцы, канадцы и южнокорейцы, итальянцы и турки: Они смотрят фильм, а я смотрю на них. И вижу, как они забывают о своих поп-корнах и полтора часа смотрят фильм, не отрываясь. И я понимаю: да, мы разных национальностей, но история выживания у нас одна – общечеловеческая...

— **Ты хочешь сказать, что японцы и американцы воспринимали «Келин» одинаково?**

— По-разному. Везде воспринимают по-разному, но в целом – хорошо.

— **А у нас одинаково плохо?**

— Мнения разделились. Кто-то ругает картину, кто-то хвалит. Но те, кто ругает, случается, не особо следят за своей лексикой. Иногда перегибают палку. Хотя и к этому я уже привык. И когда меня ругают, я не спешу вступать в полемику. Зачем?

— **Больше всего мне надоели разговоры о твоей козе.**

— У меня на это была одна реакция: «Это единственное, что вы вынесли из этой картины?». Нигде в мире никто не говорил об этой несчастной козе. Об этом говорят только у нас. Не знаю почему. Наверно, задело за живое...

— **Как думаешь, что скажут о Бейбарсе? Что у него бельма не было?**

— Не знаю. Могу лишь сказать, что я взялся за эту тему с полной ответственностью – понимал, за что берусь. Потом шесть лет пешком по арабским пустыням: Египет, Сирия, Иордания, Израиль... Случалось, ночевал в пустыне в бедуинском шатре, у развалин мамлюкских крепостей, бродил по местам военных сражений – я шел по следам Бейбарса. Изучал первоисточники в библиотеках и мечетях. Потом мою рукопись в Сирии анализировала комиссия из 13 человек: ученые, богословы, духовенство – те, кто реально занимается изучением Бейбарса. Потому что у них, в отличие от нас, есть мамлюковеды и бейбарсоведы. Так вот, они смотрели книгу четыре месяца. Потом сделали свои замечания, поправки, рекомендации: какие-то я внес, что-то смог отстоять, все это тянулось еще месяцев восемь. Только потом эта комиссия допустила книгу к изданию в Сирии на арабском языке.

— **И теперь замечания «made in KZ» тебе не страшны.**

— Я тебе уже сказал: я свое отбоялся. Ты меня сто лет знаешь – я всю жизнь так живу. «Под стрелой». Мне слишком долго приходилось объяснять, что я хотел сказать, что нет: «Ребята, вы меня не так поняли, я ничего не имел против вас...» Сколько можно? Я же не могу быть вечным адвокатом самого себя. Но попрошу заметить: в отличие от многих наших с тобой сограждан я никогда не был и ничьим прокурором.

* * *

Ермек Турсунов: «Я так думаю»

Перевод с казахского языка. Газета «Қазақ әдебиеті» от 15.01.2010 г.

О противостоянии

— **Вокруг вашего имени много разговоров. В том числе, немало весьма нелицеприятных. Наверное, это непросто – быть в центре всеобщего внимания? Как вы переносите все это? Как вообще чувствует себя человек, оказавшийся в такой ситуации и какие вы для себя сделали выводы?**

— Нормально себя чувствую. Я же понимаю, где я живу.

Да. Много чего пришлось услышать про себя в последнее время. Всего и не перескажешь. Места не хватит. Признаться, ничего нового для себя не нашел. Одно и то же. «Турсунов – предатель.

Турсунов – враг народа. Его наняли какие-то темные силы, которые угрожают нашей стране развиваться, они нам завидуют, поэтому подсылают вот таких диверсантов, которые долго жили за рубежом и пропитались «ихней» моралью. Теперь он вернулся, чтобы разлагать нас изнутри. Он – неполноценный казах. Он проповедует язычество, значит он – шаман. Он – плетет паутину, в которую может попасть наша незрелая молодежь. Он оскорбил наши чувства, у нас не может быть таких невест. Надо его выслать из страны, отдать под суд, наказать, куда смотрят органы?! Почему не подключается прокуратура, Комитет по правам человека или министерство иностранных дел!...»

Знакомая риторика. Насколько я помню, Магжан тоже был шпионом. И Алихан, и Ахмет, и Сакен, и Мустафа... Все они – «плели невидимые сети». И писали на них не чужие, а – свои. Я, конечно, не Магжан и мне далеко до них до всех. Я – о методах. Так что, в этом смысле, ничего нового.

Меня всю жизнь доставали наши профессиональные патриоты и радетели народа. В основном, за то, что я не помещаюсь в их понятийную линейку, в их правила общежития. Они обвиняли и продолжают обвинять меня в порнографии, в зоофилии, в том, что я переврал историю, что я аморальный тип, что я вообще непонятно кто. Выродок, одним словом. Если бы сейчас были тридцатые, меня бы уже трижды расстреляли. Выходит, мне повезло со временем?

Трудно так думать, потому что мне выпало быть современником поколения конформистов и приспособленцев, которые пишут грязные пасквилы в целях саморекламы и не думают, что тем самым они демонстрируют свое непроходимое невежество и ущербность. Вместе с тем, мы каждый день видим по телевизору, как они соревнуются в любви к своему народу. А народ, в большинстве своем, об этом даже не догадывается и подсчитывает деньги, чтобы хватило на квартплату и на булку хлеба в конце месяца. Если их слушать, то в нашей стране нет больше проблем, кроме проблемы Турсунова.

Что делать: сейчас у микрофонов нет очередей. Всяк может чего-нибудь да ляпнуть. Многие понимают свободу, как вседозволенность. Нет у них внутреннего цензора. Вот и получается, что у нас так много вестников. Ничего не поделаешь. В стране слепых и одноглазый – ясновидец.

Я привык. И я знаю одну непреложную вещь: то, о чем с улыбкой говорит Обама, во много раз страшнее того, о чем яростно брызжет слюной какой-нибудь малообразованный депутат. Просто настали интересные времена: быть казахом стало выгодно. Многие быстро сориентировались и поняли, что принадлежность к коренной нации вполне законно можно обратить в прибыль. Титульность стала конвертируемой валютой. Вот и начался торг – кто из нас больше казах.

Что касается фильма «Келін», то он стал как бы промежуточным тестом на нашу духовную состоятельность. И кто бы мог предполагать, в какой глубокой заднице мы, оказывается, еще сидим. Мы, оказывается, не понимаем, что такое эстетика искусства. Мы не можем отличить правду от правдоподобия. Мы ищем исторические факты в сказке. Мы все воспринимаем буквально, причем через собственные непреодолимые комплексы. Мы мало знаем, но много говорим. Мы – необразованны, но мы учим. Наши духовные лидеры оказались на деле пустобрехами. Мы не сделали выводов из уроков нашей недавней истории. Мы всюду видим врагов. В нас живут различные фобии и страхи. Мы – все те же озлобленные соплеменники Абая, готовые разорвать его за инакомыслие. На дворе 21 век, а природа наша не изменилась. Качественный состав и уровень нации в массе своей еще весьма и весьма низок. И это – прискорбно.

Я не говорю обо всех. Но есть люди, которые читают книги лишь для того, чтобы найти в них ошибки. Есть люди, которые смотрят на море и видят просто огромную лужу, наполненную водой. Есть люди, которые смотрят на полотна художников Эпохи Возрождения и не могут отвести глаз от пресловутого женского треугольника. У каждого свой набор зрительских рецепторов. В принципе и Чебурашку с Крокодилом можно рассматривать, как отношения двух нетрадиционалистов. Каждый смотрит на этот мир по-своему. В меру своего образования,

воспитания, восприятия искусства, и в конце-концов, в меру своей психической вменяемости. Что мне приходит в голову в связи со всем этим?

Поразительно, но мои казахи смогли опровергнуть один из основных законов мироздания. Они, оказывается, умудряются одновременно сосуществовать сразу в нескольких измерениях. У нас есть единство в пространстве и нет единства во времени. Кто-то до сих пор застрял в начале прошлого века и любит вести бессмысленные разговоры о том, чьи мертвецы были древнее. Как будто в этом есть их личная заслуга. Другие до сих пор живут с уставом Сталина. Третьи успешно суетятся в акординских приемных, а их дети обучаются в кембриджах.

Таким образом, мы смогли вмешаться даже в незыблемость такого понятия, как Течение Времени. Такой вот загадочный народ.

Простой пример. Вот, скажем, собака живет пятнадцать лет. Кошка около десяти. Попугай, говорят, может прожить до сорока. Сколько живет овца, не знает никто. У нас она живет не больше пяти.

О фильме «Келін»

— Те, кто видел картину «Келин», догадываются, что вы долго готовились прежде чем взяться за такую тему. Понятно, что за каждым глубоким произведением стоят некие послания, которые художник хотел выразить. Что вы хотели сказать своим «Келин»? В картине немало моментов, которые бьют по традиционным установкам казахского общества. Этот ваш шаг – осознанное мужество или игнорирование национального восприятия?

— Есть одно правило: надо знать правила, чтобы уметь правильно их нарушать.

«Келін» – это не эпатаж. Это попытка вернуть нам самих себя. Мы позабыли, кто мы были и кто мы есть. Наше общество поражено многими болезнями. Среди нас очень много носителей вирусов национальной исключительности. Мой фильм один из элементов шоковой терапии. Нужны серьезные вливания в мозг и сердце. Иначе не разбудишь. Иначе наши псевдководы уведут нас в темноту и мрак своих собственных недомоганий и мракобесия.

Хирургия – жестокая профессия. Но иногда без нее не обойтись. Иногда приходится делать людям больно, чтобы потом им жилось лучше. Можно сказать еще, что я занимаюсь психоделикой. Возвращением памяти. Изменением сознания. А это – больно и не всегда приятно. В реанимации приходится лежать голым. Кому это понравится? Но надо, чтобы было видно все. Без утайки. Поэтому, хирургов не любят. Зато потом благодарят.

Вы знаете, в детстве родители заставляли меня убираться и я, из-за лени, заметал мусор под холодильник. Со временем в доме начинало вонять.

Полагаю, в нашем общем доме скопилась целая гора всякой нечисти, от которой необходимо избавиться. Иначе – невозможно. Такие тараканы заводятся – просто кошмар.

На мой пессимистический взгляд мы как этнос вряд ли создадим нечто новое. Самое великое достижение последнего времени – Internet. Но это уже прорыв индивидуалов. Сейчас время индивидуалов. А мы всегда жили родом, племенем, елем. И все открытия наши – общинные – в прошлом: искусство, музыка, обычаи, традиции. Все вырабатывалось и шлифовалось временем, коллективным мышлением и родовой интуицией.

Вместе с тем не стоит замыкаться «на старине». «Старину», кстати, можно и нужно подавать в современном ключе. В таком разрезе наш взгляд окажется последовательнее. Мы осознаем себя, оживим всю «корневую систему» и будем намного состоятельнее в незримом противостоянии всему, что извне. Мы снова начнем рассказывать своим детям историю Ер-Гостика, а не сказку Спанч Боба. И наш Алдар-Косе не будет так сильно смахивать на «ихнего» Шрека.

«Келін» – современный фильм. Так считаю не я. Так говорят профессионалы, как у нас, так и за рубежом. Это – притча. Это не документальное кино. Не нужно искать в нем фактов и не нужно накладывать художественный сюжет на нашу действительность. В основу картины заложена простая мысль о связи поколений. О том, что женщина была и остается центром мироздания. Что мать – свята.

В фильме речь идет о создании нового мифа и нового взгляда на этот старый мир через призму нашей Самости. Кино – это рассказ картинками.

Основные религии мира выросли из мифологии. Первые проповедники занимались мифотворчеством. Они рисовали на камне. Это были художники высочайшего уровня. Они первыми попытались объяснить природу непознанного и по сию пору человечество живет по сценариям этих мифов.

И у нас они есть. Когда-то они были частью нас самих. Они жили в нас. Но нынче мы потеряли связь с ними и зачастую увлекаемся лишь оберточной их стороной, не пытаюсь вникнуть в первоначальный смысл. Он давно утрачен. Оттого и все наши шарахания из одной крайности в другую. Оттого мы стали столь уязвимы перед чужой культурно-мифологической экспансией. Нам нечего стало противопоставить. Мы уже поем чужими голосами, танцуем чужие танцы и мыслим чужими категориями. Мы уже не сочиняем сами, мы – подражаем. Причем во всем: от манеры одеваться до манеры говорить. А все потому, что из нас вымылся тот миф, в котором мы ощущали себя частью великой ойкумены. И это было гармонично: когда мы жили согласно своему мифу, который был впитан нами вместе с молоком праматери-волчицы. В своих мифах мы отображали свое понимание жизни и всего того, что наполняло нашу жизнь, делало ее осмысленной и интересной: Бог, любовь, милосердие, человеколюбие, предательство, забвение, достоинство, страх... Все это не просто философские субстанции, не просто нравственный архив человека разумного. Это все то, что заставляло нас думать, страдать, любить, ненавидеть. Одним словом – страсти человеческие. А они всегда были в хорошем смысле – главной конъюнктурой искусства.

Возрождение национальной гордости должно быть связано с изучением истории возникновения и развития древних тюркских племенных союзов. Следует возвести изучение истории Поля до изучения всеобщей тюркской истории кровного братства и родства. История Великого Турана и Великой Степи может действительно стать той точкой опоры, с которой вообще стоит вести отсчет всему, что у нас есть. И надо помнить, что на свете нет ничего страшнее для нации, чем духовная ассимиляция. Мы утратили свою былую пассионарность. И теперь, когда нам нечем хвастать в настоящем, мы зовем на помощь историю. При этом знаем мы ее скверно. Фрагментами. Преимущественно – «победительными». К тому же исторические факты имеют одну неприятную особенность – со временем они изнашиваются.

Тем временем огромный материк, колыбель человечества, гигантская территория и великая цивилизация тюрков (гуннов, саков, скифов, тюркутов, кок-тюрков...) все еще остается неосмысленной. А ведь именно отсюда, с Алтайских отрогов, по Шелковому пути начинала свое движение человеческая мысль, а, значит, культура, миропонимание, мировосприятие и все то, что следует за тюками с товаром. Не только войны затевались здесь (хотя войны в известном смысле тоже двигали культуру), и рассеивались во все четыре стороны света. В этом благословенном котле варилось мясо для всего остального человечества. Кусочки «этого мяса» доставлялись и хорошо питали умы почти во всем мире. Все это забыто. Или переименовано. Исковеркано.

Мы – тюрки – долго спали. И, похоже, спим до сих пор. А, проснувшись, забываем, что нам снилось. А нам снится наше прошлое. Оно, конечно, было не простое. Но там было много мудрого и красивого. Настолько мудрого и настолько красивого, что Расскажи кому – поразится любой.

Наше дело – рассказать. Наше дело – повествование. Пересказ. Нескучный. Правдивый.

Мы должны попытаться восстановить память и зафиксировать все на пленке. Этого будет

достаточно, чтобы говорить о большом и важном деле. Ничто как изучение истории не способствует развитию национальной гордости и самосознания. Русский мыслитель Федотов, говоря о русской идее, сказал, что методом русофобов был принцип «Если идею нельзя истребить, не убив вместе с ней историю, – надо убить историю». Отсюда вывод; для возрождения национального сознания необходимо возрождение подлинной истории народа.

Наверное, для многих станет открытием, что когда-то жил на свете кочевник-сак по имени Сакья-Муни. Он был отшельником. Позднее он получил имя – Будда.

Наверное, для некоторых станет неприятным сюрпризом то, что в мифологии тюрков есть история о Всемирном потопе и о праведнике Жайыке. Тенгри-Улкен любил его и велел построить ковчег (кереп) и взять с собой «живых и дышащих, живущих на земле и птиц летающих». Потом сыновья Жайык-наме – Созун-улу, Сар-улу и Балыкши построили ковчег, на котором плыли по морю много дней и искали землю – Казыгурт. И помог им в этом поиске – голубь.

У индейцев племени сиу есть легенда о том, как враги напали на их племя. Сожгли поселение и убили всех. Остался только маленький мальчик. Враги отрубили ему руки и ноги, а самого бросили в болото. Вскоре на плач ребенка прибежала из лесу волчица. Она вскормила его своим молоком и спасла.

Эта история один в один повторяет легенду о происхождении рода Ашина. Как известно, братья Бумын и Истеми стояли у истоков создания Тюркского каганата в 552 году, еще задолго до появления арабов.

Так вот, «наша волчица» родила мальчику-калеке десять сыновей, от которых в свою очередь произошли еще пятьсот семей. В венах нынешних казахов течет их кровь.

И уж совсем наверно неприятной будет напоминание про совсем нам чужого Геракла.

Однажды Геракл искал своих коней и забрел на землю Гилея. Там его встретило некое существо: полуженщина, полужмя. Она сказала, что спрятала его коней и вернет, если он останется жить с ней. У бедного Геракла не было выбора, и он остался, и вскоре у них родились сыновья. Трое. Старшего назвали Агафирсом, среднего – Гелоном. А младшего – Скифом. От него произошли все скифские цари. (Об этом пишет Геродот).

Приводя все эти индуистские, индейские, библейские и эллинские сюжеты я хочу сказать, что фольклор кочевников вовсе не выбивается из общего контекста общечеловеческой культуры. Что люди всю жизнь пересказывали друг другу сказки, потому что у всего человечества, по сути, корень один. И имя ему – мифология. И что мы – казахи – в этом смысле ничем не хуже и не лучше остальных. Это – не качественное сравнение, это просто данность. Поэтому фильм «Келін» принимался и принимается как свой и в Германии, и в Израиле, и в Италии, и в Канаде... Везде. Люди смотрят и узнают в нем знаковые сюжеты, видят и находят в нем те ценности, которые на цивилизованный язык переводятся как гуманистические мессиджи искусства. По сути дела люди в разных концах света издревле рассказывали друг другу одну и ту же легенду – историю выживания человека в окружающем его враждебном мире. И что главным условием этого выживания была и остается женщина. Что тут непонятного? Кого я этим оскорбил? Что мне делать, если человек не хочет понимать, что дважды два – четыре?

Вот мне, например, не нравится Пазолини. Но это не проблема Пазолини, это – проблема Турсунова. Однако я же не предлагаю итальянцам уничтожить его творения, а самого посадить в тюрьму. Они же будут смеяться. А я не хочу выглядеть клоуном.

О жизни за границей

— **Вы долго жили за границей. Можете рассказать, как меняются в сознании человека мысли о Родине, ее значение? Вы – пишущий человек. Как вы думаете, что может случиться с**

человеком, выросшему в традиционном казахском обществе, если ему вдруг придется оказаться в чужой среде?

— Когда я уезжал за границу, у меня был билет в один конец. Я не думал, что вернусь. Через пару месяцев я попросил друзей выслать мне кассеты с «Тамашой», которую я здесь терпеть не мог. Через полгода мне прислали записи оркестра Курмангазы и песни в исполнении Кайрата Байбосынова. Потом я уже не выдержал и попросил выслать домбру. И представляете, я научился играть на домбре там. В Америке. Конечно, я не Каршыга и не Айгуль Улкенбаева, но «Алатау» и «Кішкентай» сыграть смогу. А это, согласитесь, не самые простые вещи.

Теперь я вернулся. И что я вижу?

Казахское сообщество как было, так и остается неким закрытым Орденом со своими правилами жизни и представлениями о морали, нравственности и духовной состоятельности. Чтобы стать членом этого Ордена ты должен быть полноценным. Что для этого нужно? Как минимум – знать язык. С этим я согласен и язык свой я не забыл. Тем более, работая в одно время в Союзе писателей, мне приходилось переводить и Магжана, и Шакарима, и Жусипбека, и Ахмета... Переводил я и Саина Муратбекова, и Калдарбека Найманбаева, и Сейдахмета Бердикулова, и Баккожу Мукая... Из ныне живущих Мухтара Шаханова, Акима Тарази, Улыкбека Есдаулетова, Журсина Ерманова... Всех сейчас не вспомню. Сидели мы тогда в одном кабинете с покойным Акселеу Сейдимбековым. Помню – много спорили...

Что еще? Ну, наверно надо съесть определенное количество бешбармака. Потом оплатить членский взнос, прогнувшись перед признанными аксакалами? Но если серьезно, то мне хочется вас спросить, уважаемые полноценные казахи. Что вы собираетесь делать с теми несчастными неполноценными, которые живут здесь и за рубежом и очень тянутся и любят все казахское? Много ли вы выиграете, цепляясь за свои псевдоценности? В ваших окриках я слышу обыкновенные расистские лозунги. Причем – по отношению в первую очередь к своим же. Таких, как вы, я называю «қазақ тілді шала қазақтар».

Когда я жил в Штатах, то первое время я не мог даже попросить куска хлеба на английском. Однако всякий американец, будь то в ресторане или магазине, подбадривал меня: «Как ты прекрасно говоришь по-английски! Где ты его учил?» У нас такого нет. Наоборот. Мы будем шикавать на тех, кто не может сразу переключиться на казахский. Мы будем презирать его и всячески травить при случае. Превратим в объект насмешек.

Одна из наших родных черт – нетерпимость. И озлобленность. Ущербность. Все это – признаки болезненного самолюбия. Мы – маленький народ. Если собрать всех казахов в одном месте, то всех их можно будет расселить на одной из улиц Гаунчжоу.

Это не удивительно. У всех карликов – двойное самолюбие. Все коротыши носят обувь на высоком каблуке. Понимаете, нужно различать: есть национальная гордость и есть национальные комплексы. А теперь скажите: кто из вас откажется, если ему предложат отдать своих детей в Оксфорд? Кто из вас скажет: «Нет! Мой ребенок будет учиться в родном КазГУ». Так вот: кто откажется от Оксфорда, или лицемеры, или просто дураки, которые из-за своих комплексов готовы пожертвовать будущим своих детей. Другое дело, что, учась в Оксфорде, важно, чтобы ваш ребенок не забыл, откуда и кто он. И что еще важнее – захочет ли он после Оксфорда возвращаться назад.

Я лично не забыл, откуда я. Да и не смог бы забыть. И в этом нет никакой моей заслуги. Просто мне повезло. Просто моя мать успела рассказать мне в детстве про Алпамыса и Канбак шала, про Жалмауз-кемпір и Бабай Тукті Шашты Азиза. Потом мне самому стало интересно, кто сочинил эти сказки. Теперь мне хочется, чтобы эти сказки увидели и услышали люди по всему миру. Тогда они будут уважать нас и примут за достойных. И, слава богу, я видел все это и прочувствовал на своей шкуре. Я видел, как после очередного просмотра те же американцы, те же французы и немцы по-человечески радовались и спрашивали: «Кто это сотворил?» И я выходил на сцену, и говорил с ними. И говорил я с ними на их языке. И всякий разговор я начинал со слов: «Я – казах. А это – мой миф».

И теперь мне хочется спросить своих ярых оппонентов: «Ребята, а что делаете вы?»

О Бейбарсе

— Кинороман «Мамлюк» вышел на русском языке. Мы слышали, что вы прошли следами султана Бейбарса. Встречались ли вам новые факты из жизни Бейбарса, новые открытия? Были ли сложности?

— Я не кабинетный литератор. Когда я пишу, то стараюсь ходить по тем местам, где ходил мой герой. Так я шесть лет ходил по следам Бейбарса. А это не только Атырауская земля. Это – Италия, Сирия, Египет, Иордания, Израиль... Пустыни, равнины, города... Это – 18 вариантов романа. Мне важно было издать книгу вначале на арабском языке, потому что Мелик аль Мелик Ас-Султан Рукн ад-дин ас-Захр Бейбарс аль-Мансури аль-Миери Абуль Футух аль-Бундукдари «правил страной Миср семнадцать лет, два месяца, двенадцать дней и одну ночь». И он причислен к лику Святых в арабском мире. Он спас Ислам. Поэтому он – Рукн ад-дин – Спаситель Веры. Мелик аль мелик – Царь Царей.

К слову, он умер от яда, который подсыпали ему верноподданные в чашу с кумысом. Что весьма показательно. Его убили свои же.

Что касается открытий, то их тоже было немало. Просто сложно пересказывать книгу. Приведу лишь один пример. Когда найман Кит Буга шел на Аль-Кудс (Йерусалим), в его войске было около 80 процентов кипчаков. Навстречу ему вышли мамлюки, в составе которых было около 90 процентов кипчаков. Они встретились в местности Аль-Джалуд. Это примерно в километре от места, где Иоанн-Креститель купал в купели Иордана Иисуса Христа.

Я нашел это место. И мне было любопытно, почему монголы с мамлюками бились именно здесь. И тогда я поднялся на гору Моисея (Вершина Моав). Она рядом. И увидел прямо перед собой, сразу же за Мертвым морем, золотые купола Йерусалима. Тут же справа налево течет Иордан, мимо Палестины и развалин Назарета. И я думал, сидя в одиночестве на вершине библейской горы: какая все-таки во всем этом грустная символика. Бьются братья-кипчаки друг с другом, проливают нещадно свою кровь, черт его знает где, на чужой земле, за чужие ценности, под чужими знаменами...

— Наши кинорежиссеры говорят, что в нашей казахской литературе мало произведений, которые могли бы стать основой для многосерийных фильмов. Есть ощущение, что они плохо знакомы с казахской литературой. Как вы на это смотрите?

— Я не могу говорить за всех: не знаю, кто что читает. Я могу говорить лишь за себя. Вокруг моей картины много разговоров о сексе и эротизме. Это – большая и интересная тема. Возможно – одна из самых древних и популярных в мировой культуре. Начинается она, собственно, с самого появления человека. С пещерных рисунков. И тянется до наших дней. Не знаю, все ли наши киношники знакомы с «Дафнисом и Хлоей», с «Золотым ослом» Апулея, с «Эдипом», с произведениями маркиза де Сада, слышали ли они что-нибудь про теории Юнга и Дюркгейма, Ноймана и Фрейда, бывали ли в музеях Греции и Италии, видели ли скульптуры Родена, или настенные каменные рисунки в монастырях Камбоджи и Тайланда, что они знают про традиционные сексуальные культы и верования древней Индии или древнего Египта... Словом, где бы я ни был, а мне посчастливилось побывать во многих странах мира, везде и всюду тема любви, физическая и духовная ее сторона, тема красоты человеческого тела, вопросы рождения и продолжения рода, рассматривались особняком.

Что касается ближе к нашим берегам, то, давайте, вспомним наших Великих.

Например, у Доспамбета есть строки:

*Ер Досайдың анасы...
Айдындықтай ақ білегін жастанып,*

*Ерең үйін тіктіріп,
Омыраудағы он түймесін ағытып,
Кейінгі қалған көпекке
Қалай да белін шешті екен!..*

Дальше. У него же:

*Дұлыға кидім өкінбен...
Зерлі орындық үстінде,
Ал шымылдық ішінде
Тұлымшаағын төгілтіп,
Ару сүйдім, өкінбен...*

У Ақтамберді:

*Майданда дабыл қақтырып,
Ерлердің жолын аштырып,
Атасы басқа қалмақты,
Жұртынан шауып бостырып,
Түйедегі наришасын,
Әлпештеген ханишасын
Ат артына міңгізіп,
Тегін бір олжа қылар ма екеміз?!*

У Шал ақына есть, когда он спорит с Кулімжан кыз:

Шал:

*Бұлақтан келіп күнде су аласың,
Қайтер ең суым бермей қуаласам,
Баяғы жиырма бес жас қайтып келіп,
Жығып сап тал төсіңді уаласам*

Қыз:

*Шал ата-ау, айтқан сөзің естен кетпес,
Түлкіге таудан қашқан құсың жетпес,
Түкті кілем түгіндей... бар.
...сірә де өтпес.*

Шал:

*Таулардың мен көрмеген аңы бар ма,
Түлкінің мен көрмеген таңы бар ма,
Екі аяқты...
...тастан соққан тауы бар ма!?*

Дальше. У того же Шал ақына есть:

Шал:

*Дүние ойлап тұрсам жалғаның-ай,
Шынымен, жалған дүние, қалғаның ба-ай,
Жауырыным құрысып, шанышып отыр,
Келіп сипап жіберші, алғаным-ай!*

Кемпір:

*Бұл дүние бәрімізден кетер өтіп,
Қыз күнімнен болдым зой сізге несіп,
Айында да пайдаңды бір көрмеймін,
Қайтемін бостан-босқа қызмет етіп.*

Мои критики любят приводить Абая. Ну что ж, давайте и я последую их примеру.

*...Қандай қызда ляззат бар жан татпаған?
Сұлұы бұл заманның тек жатпаған.
Он сегіз, он тоғызға келгеннен соң,
Алмасы өкпе болар қол батпаған...*

У него же:

*...Көзім жатқа қарамас,
Жат та маған жарамас.
Тар төсекте төсіңді
Иіскер ме екем жалаңаш?*

*Иығымда сіздің шаш,
Айқаласып тай-талас,
Ләззат алсақ болмай ма,
Көз жұмулы, көңіл мас?..*

У него же:

*Көңілің тұрса бізді алып,
Шыныменен қозғалып,
Біз – қырғауыл, сіз – түйгін,
Тояттай бер, кел де алып.*

*Тал жібектей оралып,
Гүл шыбықтай бұралып.
Салмағыңнан жанишылып,
Қалсын құмар бір қанып...*

А что вы скажете по поводу «Шолпаннын кунасы» Магжана Жумабаева? Вот где неприкрытая порнография и вопиющее безобразие. Жена не хочет рожать детей! Да где это видано? А потом еще и спит с кем попало... Правильно муж сделал, что забил ее до смерти.

А как насчет Мухтара Ауэзова «Каралы сулу»? А как же «Абай жолы»? А если бы «Акбілек» был написан в наши дни, что бы мы сделали с Жусипбеком?

Если говорить о наших современниках, то, редко какой крупный писатель обходил эту тему без откровенного внимания. Поэзия Мукагали насквозь пронизана любовной тематикой. У Исраила Сапарбая есть целый цикл эротических произведений. У Сакена Жунісова в «Акан сері» немало пикантных сцен. У Есенберлина, у Нурпеисова, у Кекильбаева...

Как видите, и в этом смысле, мы казахи, ничем не хуже и не лучше остальных. наших предков и наших современников эти вопросы тоже интересовали и интересуют. И это – нормально. Было бы хуже, если бы не интересовали...

— Вряд ли поверишь, что человек, у которого первым является русский язык, получивший русское воспитание и образование, доподлинно знает все тонкости и особенности казахского мировосприятия. Скажите честно, вы можете сказать, что знаете национальный характер и национальный дух в достаточной степени?

— Когда меня отдали в детский сад, я ни слова не знал по-русски. Через неделю родители меня забрали, потому что я так и не смог «влиться в коллектив». Постоянно сбегал. Позже меня уже отдали в школу. В первый класс. Русский. Тем не менее, я рос в ауле. Пил айран Кульжамал-апа и играл в асыки с Алимжан-ата. В одно ухо мне рассказывали Кобланды-батыр, а в другое – истории

Шерлока Холмса. Утром я слушал по радио Куляш, а вечерами мама, преподаватель казахской литературы, ставила пластинки с фугами Баха. В итоге получился вот такой микс.

Затем уже был университет, потом пять лет Москвы, а потом четыре года Америки и Европы. Потом были арабские страны. Теперь вы меня спрашиваете, насколько мне близко все казахское? Я скажу так: оно мне и близко, и далеко. Я делю это понятие на две категории. Есть «казахость» и есть «казакпайство». Например, я любил, когда Бекболат пел. Когда он заговорил, получилось хуже. Певца мы потеряли, а политика не приобрели. Когда играет Каршыга или Нургиса, у меня становится тепло на сердце и мне хочется молчать. Это сравнимо с тем, когда я слушаю Моцарта или Бетховена. Я не могу смотреть на нашу эстраду, разодетую в стилизованные под старину одежды. Тем более – их слушать, пусть даже они играют на домбре и на кобызе. Это уже псевдоэтника. Это чистой воды спекуляция на фольклорных мотивах. Дешевый стеб. Не говоря уже о всех этих «Екі жулдызах». Это – не настоящее. Это – десятая копия десятой копии. Подражательство и обезьянничание. То есть – казакпайство в современной упаковке. Они таким образом, якобы, пытаются приобщиться к мировой культуре. Ну так надо туда входить через парадные ворота, а не лезть через задний проход.

Иногда, на светских вечеринках я замечаю, что наши женщины стали заказывать платья в парижках, но носят они их с явным казакпайским акцентом. Я не вижу естества, не вижу гармонии. Они уже не ходят. Они преподносят себя. Редко кому это идет. В основном, смотрится забавно. Тем не менее, все это проникает в нашу жизнь. Глобализм у нас во дворе. Его можно найти даже на помойках. Раньше там были обертки из-под треугольного картонного кефира и сырков «Янтарь», а теперь там куча мусора из самых развитых стран. Все правильно, мы же вроде как рвемся в пятидесятку... Получается, наш мусор, как минимум, позволяет уже об этом говорить.

Ну и каков вывод? А вывод простой: я не хочу быть с казакпаями. Я хочу быть с казахами. А что значит, в моем понимании, быть казахом? Это значит не на словах, а на деле пытаться что-нибудь изменить. Перенять все лучшее у других: у американцев, у китайцев, у японцев, да хоть у кого. Научиться, адаптировать и внедрить у себя.

Чем я и занимаюсь. Это можно назвать культурным контрпрограммированием. Потому что невозможно воспринимать как явление культуры то, что в массе своей производят наши, так называемые, деятели культуры. То есть – назначенные производители культуры. Такой своеобразный непреходящий семенной фонд, который призван оплодотворять и возделывать народную почву.

Я выше уже говорил, что после них надо будет сильно проветривать помещение. С тех пор мое мнение только укрепилось.

У всякого художника как минимум есть три адреса. Он делает выбор и творит. Для людей. Для власти. Для себя. То, что делается для людей, по заказу, привязывается, как правило, к традициям и ритуалам, к тому, что им близко и понятно. То, что для власти – в идеологических целях, к датам, к юбилеям и прочему. То, что для себя – редко совпадает с мнением толпы. Вот и получается, что художник обречен постоянно жить в состоянии конфликта. Как минимум – с самим собой. Ну что делать, если я не могу себе позволить «Жаралы сезім» или «Жетімдер», если мне неинтересны «Ночной дозор» или «Черная молния»?

И тогда на помощь приходит власть. Она решает: «Народу это не нужно». А что нужно? Что безошибочно? Из безошибочных тем у нас: Махамбет, Биржан, галочка о дружбе народов, ну и напоследок «Прыжок Афалины». Весь боекомплект. И что?

Хорошо когда получается хорошо. Но чаще получается – так себе. Потому что невозможно это. Из-под палки только у евреев детки становятся великими скрипачами. А у нас не та ментальность и, как выяснилось, не та подготовка.

Культура не создается по решению партии и правительства. Ее нельзя культивировать. Ей можно

лишь создать условия. А там уже как повезет. Появятся люди – будет культура. Не появятся – будем оплакивать свое былое величие.

— **Казахская киноиндустрия постепенно становится на ноги. В мире существует множество киношкол. Даже в бывших странах советского союза есть свои грузинские, прибалтийские, российские кинотрадиции. Даже у близких нам киргизов есть свое кино. Почему у нас его нет?**

— Да. Есть на карте киношного мира Китай с его древнейшей культурой. Есть Япония. Есть Индия со своим «Болливудом». Иран есть, Турция. У каждой страны свое кинематографическое лицо. И лишь у нас его нет. Вернее, оно есть. Но какое-то... тусклое. Второразрядное. Второсортное. Наши достижения тешат только наше местечковое самолюбие. Есть десятки побед на крупных и мелких международных кинотусовках. Но это ли нам нужно? Что, например, означает по большому счету очередная самовар из Баден-бадена? Априори, у нас в этом смысле ущербная самооценка. Нам легче пригласить со стороны заморского стареющего режиссера, который, якобы, расскажет нам о нашей же Истории. И появляется американец (француз, голландец и т.д.), который за сумасшедшие деньги слепит нам нашего Аблай-хана и снимет «Кочевник». Что может быть позорнее? Почему тогда все молчали? Почему вдруг сейчас прорвало?

Вот есть велосипедная команда «Астана». Она победила во всех престижных соревнованиях. Но в ней нет ни одного нашего гонщика. Там одни иностранцы. Просто они выступают под нашим флагом. Так чего же тогда мучиться? Давайте купим одиннадцать бразильцев и через год мы станем чемпионами мира по футболу!

Как известно, короткая дорога – самая грязная. И тут наша заниженная самооценка вступает в противоречие с нашим завышенным самолюбием. Наверное пора определиться: мы сами будем рожать или нам все-таки понадобятся чужеземные повитухи?

И есть у нас еще одно непонятное разделение. Есть как бы кино на экспорт и есть кино для внутреннего потребления. «Келін» значит якобы для Запада, а «Біржан» для своих. Это неверно. Кино бывает только двух сортов: хорошее и «некино». Других определений нет.

* * *

Ермек Турсунов: «Мы можем!»

Газета «Известия-Казахстан», 19.02.2010 г.

Известный казахстанский кинорежиссер и сценарист рассказывает о своем творчестве.

Ермек Турсунов ворвался в общественное сознание в прошлом году, когда готовился к прокату его дебютный как режиссера фильм «Келин». Об этой картине заговорили задолго до ее выхода, ее прокатная судьба висела на волоске – «Келин» долго и упорно ругали и продолжают ругать по окончании проката. При этом казахстанская «Невестка» неожиданно для всех покорила сердца западного зрителя, завоевала несколько призов самого высокого уровня и даже попала в шорт-лист номинантов на самую престижную кинопремию – «Оскар», чего до этого не добивалась ни одна казахстанская картина.

Внезапно вспыхнувшая «звезда» казахстанского киномира – на самом деле давно состоявшийся сценарист, кинодраматург, журналист Ермек Турсунов, с которым редакцию «Известий-Казахстан» связывают давние и прочные дружеские связи. Воспользовавшись

этим обстоятельством, обозреватель «И-К» Евгений Рахимжанов расспросил режиссера о его главных произведениях последних лет – фильме «Келин» и романе «Мамлюк».

— Примерно год назад на закрытом показе в числе немногих счастливицков я увидел фильм «Келин». С той поры у меня сложилось стойкое ощущение, что со времени закрытого показа ты снял какой-то новый фильм с прежним названием и активным участием немецких «кинодокументалистов». Как считаешь, почему в обществе сложилось такое отношение к фильму, где якобы порнография, которой там на самом деле нет, якобы зоофилия, которой там тоже нет? Почему второстепенные (по времени и сюжетной значимости) эпизоды заслонили собой всю ленту?

— Я пытался поначалу на эту тему рассуждать. Вырисовывается следующий сюжет: ты показываешь картину, говоришь: «Ребята, вот подсолнухи, это кисти Ван-Гога» и все такое... А тебе говорят: «Что это за рама у картины? У этой картины должна быть другая рама, с рюшечками и оборками!». То есть разговоры все время уходят куда-то в сторону.

В сущности, собственно о картине, о ее смысле не говорили. Увидели в ней какой-то поклеп, которого там и близко нет, ну и пошло-поехало. Кто-то активно делал себе пиар, кто-то вытащил крапленую карту квасного патриотизма, короче – нашли врага, а это классная тема. На ней можно много очков всяких набрать. Весь 2009 год я пытался защищать фильм: «Келин» же хотели перемонтировать, положить на полку, вообще закрыть. После выхода в прокат на меня писали в прокуратуру и даже в Комитет по правам человека, представляешь?! Это вообще прикол! Почему в ООН не писали или в ЮНЕСКО, почему не написали «зеленым», что там, в фильме, животные пострадали? Подобную реакцию спрогнозировать я бы не смог. Ну где там порнография?! Как будто мы НТВ не смотрим каждый день...

А потом я подумал: зачем напрягаюсь? Просто у людей есть различные фобии. Что на самом деле показал этот фильм? Он стал промежуточным тестом на нашу духовную состоятельность.

Был в начале марта прошлого года на Зеленом базаре и у этих пацанов, которые продают диски (пиратские. – Прим. ред.), вижу свой фильм. Спрашиваю: «А почему это кино такое дорогое? Все по 250, а этот фильм – за 500 тенге...». – «Да это же первая казахская «порнуха!»» – отвечают. Купил диск: звук отвратительный, картинка скачет. Но я подумал: «Раз она уже у «пиратов», значит, картина, на нее потратили деньги, и она пошла в массы». Но, с другой стороны, за это же получаю по башке.

— Непонятна вообще такая реакция, учитывая, что как такового обнаженного тела в фильме и не было. То, что «Келин» даже на эротику, честно говоря, не тянет – кусочек обнаженной кожи там, вздохи и стоны за кадром – здесь. Так снимали в Голливуде в 60-х и ранее, те же «В джазе только девушки...» по сравнению с «Келин» – разнузданная порноопера, особенно если смотреть не в советской цензуре, удалившей треть фильма. Кстати, как к «Келин» отнеслись западные зрители?

— 14 стран посмотрели эту картину, где-то она призы получала, где-то открывала, где закрывала фестивали. Поскольку она не попадала в формат, меня спрашивали: «Можно мы вашим фильмом откроем фестиваль?». Так что я поездил по многим странам. Как гость в основном. А там, где картина в конкурсе участвовала, она, как правило, выигрывала. Потом попала в шорт-лист «Оскара». 242 картины заявили в номинацию «Лучший иностранный фильм» – из 65 стран и Казахстан попадает в шорт-лист! В одном ряду с каннскими, берлинскими и венецианскими лауреатами. Это все гранды! Бюджеты этих картин – в среднем около 20 миллионов евро. И тут мы – со своим бюджетом в полтора миллиона долларов. Причем никто не занимается промоушном фильма, никто нас не лоббирует, картина сама идет. Забавно.

И по меньшей мере, странно. У нас на этой картине люди получали зарплату 15 тысяч тенге! И вот за такие деньги, в наших горах, на этом морозе, с этими животными (в фильме богатая фауна – и яки, и верблюды, и даже волки. – Прим. ред.), на одной пшенке получается картина, которая начинает толкаться с киношными слонами! Причем на родине ее бомбят, пишут и требуют, чтобы наш казахстанский оскарковский комитет отозвал свою картину. В американской компании

«Хеликс компани», которая выкупила права на распространение «Келин» и представляла ее в Америке, когда узнали про это, просто офигели: «Вы что там, рехнулись, вы ведь в шорт-листе?!».

— **Но в итоге байга кончилась тем, что «Келин» зарубили где-то в полуфинале, верно?**

— И слава богу! Это потом лететь на самолете 18 часов... Ужас. И без того здесь столько дел. Работать надо, а гоняться за призами – это от лукавого. Не на самовары работаешь.

— **Достаточно много упреков и в адрес твоего художественного хода – строить изложение без диалогов. Но, на мой взгляд, маневр стоил того. Помню свое мимолетное разочарование, что-то вроде «Ну вот, Турсунов решил переплюнуть Гибсона», и ощущения потом, когда мы вышли после помянутого закрытого показа, и в обсуждениях звучали такие реплики: «Помнишь, он сказал, она сказала...». Люди забывали о том, что диалогов-то там и не было!**

— Эта картина показала, что мы, оказывается, можем. Мы не провинциалы в культурном смысле, мы умеем, и там это поняли. Поняли профессионалы. Вот Джей Кокс, например, – автор сценариев многих фильмов с участием Де Ниро, гуру Голливуда – сказал: «Я неделю хожу под впечатлением от этой картины, и мне не хочется больше ничего писать...». Понимаешь, если оценивать качество публики, есть даже такая шкала – уровень восприятия искусства, эстетики искусства. Он у нас очень низкий, практически нулевой в массе своей. Вот это – реальная проблема. Я понимаю, Тарантины и Гайричи нужны. Они умеют включать зрительское внимание и выключать мозги. Я сам их иногда с удовольствием смотрю. Но нужно при этом отчетливо понимать, что если ты подсядешь на эту иглу, то когда-нибудь твои выключенные мозги могут больше и не включиться.

— **Есть и другие упреки в твой адрес: дескать, ты показал главную героиню изменницей, женщиной сильно облегченного поведения...**

— И тут нестыковка. Все думают, что основной персонаж – молодая невестка. Для меня главная героиня – старуха, свекровь. Почему? Потому что она когда-то тоже была молодой, и она тоже когда-то переступила порог этого дома невесткой, теперь она передает весь свой опыт и силу, свое знание невестке, теперь она должна тащить по эстафете...

Мой фильм говорит о непрерывном круговороте, о цикличности этой жизни, и пока у нас будут такие женщины, негибаемые, живучие (я вообще считаю, что женщины сильнее мужчин), мы не умрем. Мы продолжимся.

Ты посмотри на судьбу этой бедной девочки – ее продали! Причем отец не хотел ей зла, он делал ей добро, потому что охотник – бедный, а пастух – хозяйственник. В «Келин» нет хороших и плохих, там у каждого своя правда.

И все борются за одно: главным призом всегда будет женщина. Всегда! И не важно, во II-м веке нашей эры это или сегодня, главный приз – женщина. Почему? Продолжение рода. Вот и все, шифр простой, меседж на поверхности лежит.

Потом охотник убивает пастуха, она выходит замуж за пацана. Потом появляется охотник – ее любовь, он ее хватает, убегает. Пацан кидается в бой – погибает. В схватку вступает старуха. Она вызывает лавину и убивает всех. Теперь она, лишившаяся всего, готова задушить причину всех своих несчастий – невестку. Но у нее ребенок. И старуха меняет свое решение. Все ради продолжения рода, ради жизни. Она спасает ребенка, приносит волчье молоко, чтобы ребенок не умер, и уходит. Она свой долг выполнила. Без слез, без патетики.

— **Современным людям все равно этого не понять. Многие, считающие себя киноманами, сравнивают твой фильм с «Легендой о Нарайяме». «Легенду...» я не смотрел, поэтому, сам что скажешь?**

— Чушь! Просто в «Легенде о Нарайяме» примерно такая же натура, тоже горы, какие-то родоплеменные отношения, какая-то архаика. Нарайяма – это гора, где по древним японским поверьям бог Нарайя ждет стариков. Туда их относят их же дети и оставляют умирать. Это не то что упадническая картина, это – шедевр, но там меседж совсем другой. Мы своих стариков никогда не таскали никуда умирать, у нас старики всегда на почетном месте.

— **Перейдем к другой грани твоего творчества. Я недавно заметил твою книгу «Мамлюк» в магазинах, стоит очень дорого. Почему такая цена?**

— Я с продаж этой книги ничего не имею. Мне важно было издать книгу, чтобы люди прочитали, обратился к друзьям-бизнесменам. Они помогли ее прилично издать. Себестоимость книги получилась высокой, потому что над ней работала целая группа дизайнеров, художников и издавалась книга в Гонконге. До нас ее уже издали арабы. Вот и вылилось все в высокую цену.

— **Это художественное произведение или историческая публицистика?**

— Это не публицистика, это – проза. Поначалу я не предполагал, что будет именно проза. Просто полез в эту тему – тему Султана Бейбарса. В итоге пропыхтел там шесть лет. Всего было семнадцать вариантов рукописей. Издали восемнадцатый.

— **Я знаю, что ты бывал в местах, где описание происходит...**

— Да, это так. Когда-то те места были единым Арабским халифатом, там границы были одни, а сейчас границы совсем другие. Идешь-идешь – бац: Иордания кончилась, началась Сирия, Сирия кончилась, начался Израиль. В Израиль через Сирию не попадешь, потому что у них между собой заруба. Я пошел в Египет... И таких скитаний – шесть лет. Но в этом и самый кайф. Я же не кабинетный писатель. Кроме того, к теме Бейбарса я долго шел, после того как мне Семашко, не помню в каком году, про Бейбарса рассказывал.

Лишь когда я почувствовал, что могу эту тему осилить, сначала прочитал все научно-исторические труды про Бейбарса, которые здесь были, но их мало. Они все ссылаются или на французские первоисточники, или на арабские. Я поехал к арабам, там есть мамлюковеды и бейбарсоведы. И с ними по пустыне пошел туда, где есть мамлюкские крепости. Представляешь, приезжаем в мамлюкскую крепость, там никого нет, пустыня, руины, брошенные селения. Вечер. Возвращаться поздно, и мы ночуем в пустыне, на горячем песке. И ночью идешь в крепость. По макетам и картам знаешь: здесь был тронный зал, здесь – зал приемов, канцелярия, баня... Когда по этой крепости ходишь – непередаваемое ощущение. Это тебе не в библиотеке сидеть, читать Гумилева или Бартольда. Совсем другое дело, когда сам эти камни трогаешь.

— **А почему такой интерес к истории, а не к современности? Почему вообще твой культурный гений направлен в прошлое, а не будущее или настоящее?**

— Аль-Фараби, Султан Бейбарс и Мустафа Шокай похоронены на чужбине. Я считаю, что эти три имени в истории казахского этноса сыграли значительнейшую роль. Мы постоянно говорим про Аблай хана, Абулхаир хана, Толе би, других. Я со всем этим согласен, но они – локального значения герои, локального масштаба. А первые трое – все-таки личности планетарного масштаба.

Вот, например, Султан Бейбарс – человек, который реально повлиял на ход истории человечества. Он спас Ислам! Его арабы так и называют – «Захр-ад-дин» – «Спаситель веры», потому что он остановил монголов, которые шли на Иерусалим. Если бы он не остановил монголов, арабы сегодня были бы буддистами. Если бы он не остановил крестоносцев, они сегодня были бы католиками, протестантами. Я не утверждаю, а лишь предполагаю. Но он остановил и тех и других. Следовательно, он реально повлиял на ход человеческой истории и стоит в одном ряду с такими людьми, как Чингисхан, Атилла, Наполеон, Ганнибал, Александр Македонский...

Что же до Мустафы Шокая – он духовный лидер тюркского мира. Он всю жизнь боролся за объединение тюркских народов, мотивируя это тем, что у нас один язык, один бог, одна вера и т.д. Он был против разрозненности, это человек, который знал несколько европейских языков, которого Сталин называл своим личным врагом, который в конце концов возглавлял Туркестанский легион. Он тоже планетарного масштаба человек.

Аль-Фараби – это Аристотель Востока. Дальше объяснять не надо... Но мы о нем ничего не знаем, хотя и называем его именем наши улицы и печатаем его портреты на своих деньгах.

Теперь смотри: первый – великий воин, второй – великий политик, философ, третий – великий ученый. Я был на их могилах, все лежат на чужбине. Какой символизм! Почему так? Даже Алихан

Букейханов, если не ошибаюсь, в Питере лежит, а не в Казахстане. У нас так получается, что люди-маяки, люди-ориентиры у себя на родине привета не нашли. Почему так сложилось, не знаю. Но это – факт. И в наши дни очень много выдающихся казахов живет за рубежом: математики, физики, гуманитарии разного рода – они все не востребованы на родине. Им плохо здесь, они уезжают. Я и сам когда-то уезжал, было такое. Но я вернулся. Здесь не то чтобы тесно, но неуютно. Потому что до сих пор какие-то игры идут, клановость какая-то, трайбализм, лицемерие, невежество, двуличие. И бороться с этим бесполезно.

— **Какие планы на будущее?**

— Два сценария есть, готовые. Посмотрим: если смогу – здесь буду снимать, не дадут – рукописями своими займусь. Их у меня много – в столе пылятся.

— **Уже как режиссер?**

— Да. Есть еще одно предложение из Канады. Но оно пустое. Какую-то фигню предложили. Про вампиров снимать. Но на это тратить время не хочется. Потому что один фильм, одна книга – это одно Слово. А активного времени у человека, допустим, с 30 до 60, – всего 30 лет. Что ты успеешь сказать? Допустим, фильм «Келин» – это «Мать свята». «Мамлюк», допустим, – это «Мы были рабами, а стали царями». И если вот таких самых важных Слов я за свою жизнь успею высказать шесть или семь, думаю, будет достаточно. Можно, конечно, подстроиться под мейнстрим, слепить копию уже известных копий и быть в шоколаде, и не надо никому ничего доказывать. Но у меня другие ориентиры и амбиции другие.

Спокойно себя чувствую. В том смысле, что известный стал, благодаря нашим депутатам. Надо потом заранее их оповестить, что я собираюсь еще снимать, чтобы они заранее поработали.

— **А как насчет того, чтобы своего «Мамлюка» экранизировать?**

— Права принадлежат Бодрову. Он выступает как продюсер. Но на этот проект надо 30 миллионов долларов, а сейчас таких денег нет.

— **А повторения «Султана Бейбарса» не будет?**

— Нет, не будет. Я его видел – хорошее кино. Для того времени. Но считаю, что в той картине писатель победил режиссера. Там режиссуры как таковой мало, это тот случай, когда проза сильнее того, что на экране. А здесь такой большой материал, там должно участвовать несколько государств – арабы как минимум. И там надо очень сильно думать, там халява не прокатит.

— **Ну что ж, тогда почитаем пока твою книгу – и будет потом еще о чем поговорить.**

* * *

Ермек Турсунов: «Телесериалы – это жвачка для глаз»

Ольга ХРАБРЫХ. Газета «Экспресс К», №117 (17232) от 1.07.2011 г.

Ермека Турсунова часто называют режиссером скандала. Он уже привык к тому, что люди с узким лобиком постоянно ищут в его лентах фигу. Участь скандальной картины Турсунов пророчит и своему новому фильму «Шел по полю старик», в основу которого легли философские размышления Эрнеста Хемингуэя в повести «Старик и море».

А вот о своей кинокартине «Семь майских дней», основанной на реальных событиях, режиссер вообще предпочитает умалчивать.

Эта лента повествует о преступной группировке Модена Мухлисова, совершившей нападение на инкассаторов банка «ТуранАлем». Фильм находится на стадии доработки, но картина рискует пролежать на полке достаточно долгое время, поскольку взят под стражу ее соавтор – экс-начальник департамента таможенного контроля по Алматинской области Курманбек Артыкбаев, которого обвиняют в создании ОПГ.

— **Ермек, почему вы взялись именно за «Старика и море», а не за другое творение Хемингуэя?**

— Эту историю мы долго вынашивали с Мауленом Ашимбаевым, очень серьезным и тонким человеком. Я понял, что «Старик и море» очень хорошо ложится на наш менталитет: море и степь так похожи. Это две стихии: те же широта, пространственность и безграничность. Эта история о том, как человек остается один на один с собой, и ему пора подводить итоги своей жизни: как он жил, к чему пришел... Внутренний монолог... У Хэма старик пытается выжить: он балансирует между жизнью и смертью. Это абсолютно киношная ситуация: герой висит над пропастью. При работе над фильмом я попытался абстрагироваться, и мне на ум пришла история Моисея, бродившего по пустыне в поисках Истины. Мой герой визуально выглядит как маленький вождь маленького народа: плуствует по степи со стадом баранов. Буквально – пастырь и паства. Одним словом, мы с Мауленом Ашимбаевым оттолкнулись от Хемингуэя и попытались развить его мысли. А инструменты для воплощения задумки остались теми же: степь вместо моря, волки вместо акул, бараны вместо рыбы. Героя Хемингуэя зовут Сантьяго, нашего Сарсенбай.

— **И на какой стадии находится «Старик и степь»?**

— Съемки закончились. Недавно я приехал из Москвы, где монтировал картину. В главной роли – Ерболат Тогузаков: он часто снимается в эпизодических ролях комедийного толка, а здесь ему досталась серьезная драматическая роль. Актерская нагрузка выдалась приличная: Ерболат и в огне горел, и в воде тонул, и с волками боролся. Если все будет нормально, картину закончим поздней осенью. Планируем заявлять ее на фестивали класса «А».

— **А какая судьба вашего романа «Мамлюк»?**

— Сергей Бодров выкупил права на его экранизацию, мы с ним до сих пор собираем деньги по всему миру. Но пока бюджет не позволяет вплотную приступить к работе.

— **В одном из интервью вы говорили, что работали вместе с Тимуром Бекмамбетовым над одним проектом...**

— Когда-то писали с Тимуром совместный сценарий полнометражного мультфильма «Сабалак». Сделали несколько вариантов, и насколько я знаю, он собирался работать дальше над этим проектом с американцами.

— **Когда-то вы говорили, что ключевыми фигурами в вашей жизни являются Султан Бейбарс, Мустафа Шокай и Абу Насыр аль-Фараби. О Бейбарсе и Шокае вы уже написали кинороманы. Появится ли история об аль-Фараби?**

— Пока я не готов к этой работе. Я никогда не заставляю себя что-то делать, пока не почувствую, что для этого пришло время.

— **Кинокритики говорят, что беда нашего синемаатографа заключается во вторичности сюжетов. Мы просто копируем американцев или россиян. Вы согласны с этим?**

— Абсолютно. Реальность такова, что от этого никуда не денешься. Ты находишься в эпицентре какого-то вертепа. Вокруг творится хаос, который возглавили какие-то мутные типажи с горящими алчными глазами. Воинствующее невежество смотрит на тебя с уличных билбордов, с обложек бульварных журналов и с экранов окончательно дискредитировавшего себя ТВ. И конца этому я не вижу. Сатанинский костер разгорается все больше. Сейчас все бросились снимать кино. Но сначала нужно разобраться с терминами: что можно относить к кино, а что – нельзя. Я довольно плотно общаюсь с российскими киношниками: они признаются – все ушли в сериалы. Это не потому, что они вдруг полюбили этот формат. Это происходит от безысходности. Главный заказчик – телевизор. Он подмял под себя все и теперь диктует свои правила. И толпу подсадили на эту иглу. У людей сформировалось сериальное сознание. Это жвачка для глаз, в которой есть все, что требуется быдлу: кровь, любовь и немножко горчинки. Я не могу относить сериал к кино.

И далеко не все, что снимается как кино, становится в итоге Кино. Примеров – миллион. Я практически не смотрю современное кино. Я пересматриваю Висконти, Трюффо, Параджанова, Антониони, Ошиму, Курасаву, Пазолини, молодого Копполу...

— **Неужели больше не появятся кинокартины калибра «Ангела в тубетейке» или «Меня зовут Кожа»?**

— Режиссерам этих фильмов Шакену Айманову и Абдулле Карсакбаеву было что сказать. Они – оригиналы, а сейчас наступило время попугайчиков и пересмешников. Отсюда – вторичность. И это ощущается не только в кино: воруют не только чужие идеи, но и чужие мысли, чувства, интонации. Наши режиссеры отравлены Голливудом, чужими ценностями, они сыплют новомодной терминологией и хватают тем, что освоили современные технологии. Но в их работах отсутствует самое главное – содержательность. Поэтому я не могу назвать ни одного нового имени как в нашем, так и в российском кинематографе. Кино умерло лет двадцать назад.

— **Может, нам не хватает талантливых кинодраматургов. Александр Митта в своей книге «Кино: между раем и адом» подробно описывает схему построения сценария. Может ли она стать руководством к действию для обычных людей, которые хотят приблизиться к кино?**

— Как раз это сейчас и происходит. Все дело в том, что Александр Наумович – мой мастер по режиссуре. Все изложенное в этой книге в той или иной степени является переработкой идеи Джозефа Кэмпбелла. Кэмпбелл – гуру Голливуда. Когда-то его работа «Тысячеликий герой» произвела настоящий фурор в Америке. Затем его идеи развили Кристофер Фоглер и Линда Сегер. Они определили, что написание сценария – это не интеллектуальное творчество, а работа крепкого ремесленника, использующего грубые инструменты. Трехактное построение сюжета, пятикратная структура повествования, рассчитанная до мелочей манипуляция психологией зрителя – словом, в какой-то степени высшая математика. Это пища дилетантам, которые готовы стряпать киносценарии. Но вся соль в том, что после грубо сколоченного скелета нужно не забыть о кровообращении, о мясе, о лимфатической системе, чтобы сценарий ожил. Грубо говоря – о вкуснятине. Поэтому теоретические подсказки – не панацея и не руководство к действию, а всего лишь свет от фонарика, которым осветили темные углы твоего сознания.

— **Истерия с вашей «Келин» уже закончилась?**

— Пожалуй, да. Я предполагал, что этот фильм не всем понравится. Но не думал, что это достигнет уровня массовой истерии и травли.

— **Причина в элементарном невежестве?**

— Невежество – только одна из причин. Главное – желание пропиариться, разыграть карту защитника национальных интересов и полное отсутствие эстетического восприятия искусства.

— **Вас называют скандальным режиссером? Вы сами себя считаете таковым?**

— Нет, я не люблю эпатаж в любой его форме. Просто когда бросают вызов, я считаю нужным ответить. Люди придумывают какие-то шаблоны, любят навешивать ярлыки. А по натуре я спокойный и миролюбивый человек.

— **В одном из интервью вы говорили, что у вас часто возникает желание уехать из страны? Сейчас такого нет?**

— Нет, никуда я отсюда не уеду. Это же мой дом. Вы же не станете уезжать из собственного дома только из-за того, что в нем водятся крысы и тараканы.

* * *

Ермек Турсунов. Мастер спорта, мастер кино

Андрей ЛИЦОВ. Журнал ФФК «Футбольные вести», №20 (70) от 21.10.2011 г.

Наша рубрика «С футболом по жизни», ставшая традиционной, завоевала популярность у читателей. Сегодня мы представляем в ней известного казахстанского кинорежиссёра и драматурга, в прошлом игрока сборной Казахстана по мини-футболу Ермека ТУРСУНОВА. На встречу с корреспондентом «ФВ» 50-летний Ермек Каримжанович ворвался стремительной и лёгкой походкой и столь же динамично начал рассказ...

Борьба vs футбол

— Родился и вырос я в посёлке 1 Мая, что в предгорьях Заилийского Алатау, в 45 километрах от Алматы. В семье, как тогда принято было говорить, сельской интеллигенции. Я поздний ребёнок, отсюда и имя моё Ермек – старикам на забаву оно означает. Мама Куляй Жанузаковна преподавала в школе русский язык и литературу в казахских классах и наоборот – казахский язык русскоговорящим, то есть была истинным гуманитарием.

— **Посёлок был спортивным?**

— Да, это так, хотя боксом все занимались в Чемолгане, в пяти километрах от нас. Все мои одноклассники тоже предпочитали бокс. А я стал заниматься борьбой. У нас в средней школе был преподаватель физкультуры Амир, отчество его, к сожалению, сейчас не помню, вот он увлёк меня самбо и дзюдо. Признаюсь, свою роль сыграло и кимоно, очень оно мне нравилось. Когда я поступил на журфак КазГУ, меня тренировал Темирхан Мынайдарович Досмухамбетов, а спарринг-партнёром был чемпион мира Маден Калияков, мы выступали в одной весовой категории. Я, правда, особых успехов в дзюдо не добился, выполнив лишь норматив кандидата в мастера спорта.

— **Почему?**

— Разрывался между борьбой и футболом. В итоге любовь к игре №1 победила. Я ведь с детства любил гонять мяч. А в университете у нас был легендарный футбольный тренер Андрей Буирович Чен Ир Сон.

Как ругался Чен Ир Сон

— **К слову, в этом году у Чен Ир Сона юбилей – 90 лет со дня рождения. Каким он вам запомнился?**

— Человеком с большой буквы был. Выглядел очень строгим, порой даже злым, однако на самом деле был добрым, замечательным педагогом и наставником. Каким Андрей Буирович был психологом, как умел настроить на матч – с этой его способностью мало кто может сравниться! Он тренировал сборную КазГУ по футболу, отслеживал игроков на всех факультетах и перетаскивал меня в свою команду. Как-то раз сказал: «Хватит тебе кувыряться, пошли к нам!» Чена мы все очень уважали, про его успехи в работе со сборной КНДР, которая сотворила сенсацию на чемпионате мира в Англии в 1966 году, знали. Андрей Буирович, кстати, практически не использовал ненормативную лексику, хотя на футбольном поле и вокруг него – это обычное явление. Мы боялись услышать от него одно-единственное слово «Ушкалов», которое было страшнее любого ругательства. Что оно означало? Видимо, человек с такой фамилией крепко насолил Чен Ир Сону в жизни. Во всяком случае, с такой характерной интонацией произносил это слово Буирович.

— **А на каком уровне выступала ваша команда?**

— Профессионалами нас назвать было нельзя, ведь все были студентами и учились очно. Однако на межвузовских соревнованиях выглядели достойно, с командой института физкультуры боролись на равных. Играли, помню, даже с дублирующим составом «Кайрата». Моя позиция на

поле была в центре полузащиты, выполнял роль так называемого волнореза, хотя иногда выдвигали и вперёд, и я играл под нападающими.

По два сердца и четыре лёгких

— **Когда в вашей жизни появился мини-футбол?**

— В 95-м. Нашу команду «Кайнур» тренировал сначала Владислав Александрович Маркин, а затем, увы, уже покойный Анатолий Михайлович Ионкин. Тренером по физподготовке был Павел Петрович Черепанов, работающий ныне в казанском «Рубине». Его работа была особенно важна, ведь на паркете задействованы другие группы мышц, нежели на газоне. Техника тоже сильно отличалась, да и мячи тогда были какими-то жёсткими, я бы сказал, дубовыми. У нас подобрался неплохой состав, в основном из известных игроков большого футбола, и мы стали первыми чемпионами Казахстана. В этой команде я был защитником – мне импонировало прочесть игру, прервать атаку соперников и отдать первый пас. Хотя я тяготел и к игре впереди, так что был атакующим защитником, тем более что в футзале всё намного динамичнее. Мне эта игра пришлось по душе – взрывная, скоростная, жёсткая. Играли мы четвёрками – отработаем на максимуме какой-то отрезок матча и меняемся всем квартетом.

— **Откуда у вас такая спортивная разносторонность?**

— Генетически заложена, наверное. В детстве у нас было постоянное желание двигаться. Футбол был лишь одной из подвижных игр, как и все остальные. Сейчас мальчишки не знают даже их названий. Увы, компьютеры всё вытесняют. Я ведь и теперь играю в различных турнирах и порой поражаюсь: упал молодой парень – и сразу перелом ноги. А взять моих ровесников, которые далеки от спорта – у них уже солидные пивные животики и одышка. Мой же фундамент физической подготовки, заложенный в детстве, позволяет и сейчас чувствовать себя молодым. Не скажу, что я придерживаюсь какой-то особой диеты – ем всё. Хотя всегда вёл здоровый образ жизни, никогда не курил и не пил. Вспомню ещё Черепанова, как он умел подвести нас к сезону. После сборов, где он готовил функционально, мы чувствовали, что у нас по два сердца и четыре лёгких. После такой подготовки мы просто-таки летали по полю. В составе «Кайнура» стал чемпионом Казахстана и дважды выигрывал Кубок страны.

Малайзийский успех и гватемальские страдания

— **Играли и в сборной страны...**

— Да, в сборной была четвёрка Александра Бондарева из клуба «Алиби» и наш кайнуровский квартет. У нас в чемпионате были в финалах принципиальные «зарубы», но от этого уровень мастерства только повышался, что для национальной сборной было большим плюсом. Думаю, тот состав сборной Казахстана был самым сильным за всё время. В 1999 году мы завоевали бронзовые медали на континентальном первенстве, а потом выступали в отборочном турнире к чемпионату мира и уступили лишь в финале иранцам. По ходу турнира обыграли хозяев и команду Кореи, а в полуфинале встречались с японцами. Я вот потом просматривал диск с записью этого матча и всё время задавал себе вопрос – за счёт чего мы победили 6:4? Помню, как мы ходили и смотрели тренировки японской сборной, которую возглавлял бразилец, учились у них, а затем обыграли. За счёт тактики, но главное – куража, действий с феноменальной самоотдачей. Мы вышли в финальную часть чемпионата мира, и это был действительно серьёзный результат. Тогда нам присвоили звания мастеров спорта международного класса.

Потом к руководству отечественным футболом пришла команда Рахата Алиева и начались какие-то подковёрные игры и интриги, и нашу сборную, по сути, расформировали. А к чемпионату мира стали вновь набирать в спешном порядке. В итоге мы поехали в Гватемалу несыгранными и (яркий пример неподготовленности!) лишь с одним вратарём. Да и соперники в группе у нас оказались какие! Только представьте себе – первая игра с Бразилией, вторая – с Португалией и третья с хозяевами. В общем, не преуспели мы. Понятно, что против бразильцев нам ничего не светило, но с португальцами могли побороться, ведь у нас были хорошо наигранные тактические схемы и комбинации, и ничью мы смогли бы вырвать. А португальцы в Гватемале стали в итоге бронзовыми призёрами. У меня чувство неудовлетворённости осталось, ведь чуть раньше мы

были готовы показать совсем другую, более качественную и достойную игру! После чемпионата мира ещё годик поиграл и завязал, физических кондиций хватало, но мотивация пропала.

Под руководством Фрида и Митты

— **Что было дальше?**

— Не забывайте, что я окончил журфак. Сразу после получения диплома попал на работу в газету «Ленинская смена», в которой тогда были собраны истинные профессионалы своего дела, мастера слова и пера. Для меня это стало прекрасной школой, ведь учился я в КазГУ, откровенно говоря, ни шатко ни валко. Спорт отнимал много времени, как шутили тогда – раз спортсмен, то в голове на две извилины меньше. Так вот, в отделе литературы и искусства «Ленинской смены» я работал несколько лет, параллельно занимался литературным переводом на русский язык казахских писателей. Потом появились и мои собственные рассказы и повести, выходили в печать небольшие книги.

В 1988 году был объявлен конкурс во ВГИК на сценарно-режиссёрский факультет. В Казахстане я прошёл отбор, в котором участвовали двенадцать человек на одно место, а позже в столице СССР был ещё один такой конкурс. Мне повезло выиграть и стать слушателем. На нашем курсе преподавали и читали лекции Владимир Мотыль, Эмиль Лотяну, Виктор Мережко, Валентин Черных и другие мастера киноиндустрии. Моим мастером был Валерий Семёнович Фрид – легендарная личность, автор сценария сорока фильмов, назову только «Экипаж» и «Гори, гори, моя звезда», а мастером по режиссуре был гуру Александр Наумович Митта.

Клипы для мормонов

— В 1991 году я окончил ВГИК и вернулся на родину. Время было сложное, на киностудии «Казахфильм» в павильонах царил запустение, а по территории бегали стаи собак. Режиссёры и актёры торговали на базарах. Я устроился на работу в Союз писателей, где мы стали переводить ранее запрещённых Ахмета Байтурсынова, Магжана Жумабаева и других. А позже Олжас Сулейменов пригласил меня на работу в созданное антиядерное движение «Невада – Семипалатинск». Мне приходилось летать в командировки в США в тот самый штат Невада, и однажды мне предложили работу в тогда неизвестном провинциальном городке Солт-Лейк-Сити, что в штате Юта. Работал я в режиссёрской профессии – снимал рекламные и социальные ролики, какие-то клипы. Работа была сдельной, только за гонорары, как-то мне пришлось поработать даже на церковь мормонов. Причём уезжал я в США, практически не зная языка, но когда есть захочешь, то и по-китайски заговоришь (смеётся).

Я жил в американской семье, понемногу стал общаться с хозяевами и заговорил. А мормонам я подошёл как транснациональный и толерантный режиссёр. Я – выходец из СССР – не был ни мусульманином, ни христианином, ни иудеем, скорее, атеистом, но без особых накруток. Но жить в Америке мне не хотелось, по-настоящему грызла ностальгия. Скажу только, что играть на домбре я научился именно в США и с удовольствием смотрел в записи выпуски программы «Тамаша», которую раньше терпеть не мог.

Главный редактор, генеральный директор, кинорежиссёр...

— **Когда вернулись в Казахстан?**

— В 1994 году как-то созвонились с покойным Алтынбеком Сарсенбаевым (мы с ним сокурсники), и он, будучи тогда уже министром, позвал поработать на благо Казахстана. Сначала я был главным редактором газеты движения «Невада – Семей» «Избиратель». Тогда вообще ещё не было негосударственных изданий, и помню, наше желание вызвало, мягко говоря, недопонимание. Назвать газету я хотел «Караван» и выпускать её на двух языках – русском и казахском. Рубрики даже различные подготовили – «Караван-сарай», к примеру, с этой идеей пришли к Олжасу Сулейменову, но он её зарубил. Мы с ним тогда поссорились, и я заявил: «Вы – поэт, а не газетчик. Поверьте, идея – классная!» Но получился «Избиратель» – в любом случае

первая независимая газета в Казахстане. Затем я стал генеральным директором телерадиокорпорации «Казахстан» с коллективом 1 200 человек.

— **Теперь вы в кино...**

— Вообще, я никогда не занимался тем, что мне не нравится. А кино – это моя профессия. Был период, когда кино невозможно было снимать. Как можно заниматься тем, чего нет? Что касается футбола, то для меня он был, есть и будет всегда, эта любовь на всю жизнь. Если я не выйду на поле и не сыграю хотя бы два раза в неделю, то чувствую дискомфорт. А в кино, по моему мнению, должны приходить люди с багажом жизненного опыта. Я не говорю, что молодым там места нет. Но я уже не раз говорил, что давным-давно не вижу настоящего кино. Мы воспитаны на творчестве Чухрая, Данелия и других, а сейчас мне и в Москве говорят, что кино нет, остались лишь сериалы. Всё делается лишь для прибыли, появилось понятие – коммерческое кино. Нет оригинального мышления, появляются плохие копии плохих копий. Люди растрачивают свой талант попусту.

«Келин» – кино мультинациональное

— **Ваш фильм «Келин» вызвал неоднозначную реакцию, и не спросить о нём нельзя. Что вы хотели высказать в картине?**

— Это выстраданная вещь, за которую мне не стыдно. Что такое картина? Это год или два твоей жизни. Каждый из них – это всего лишь одно слово. «Келин» – эта женщина свята. Сколько таких слов в своей жизни я скажу? Ну, может, 8–10, но для меня этого достаточно.

— **За «Келин» вы получили изрядную порцию критики, если не хулы...**

— Было такое... Я бы даже назвал это травлей. Куда только на меня не жаловались, требовали даже выслать из страны. Я спокойно отношусь к подобной реакции. Знал, что есть зритель, который этого не понимает и не поймёт никогда, есть зритель, который не понимает, но старается понять, и есть зритель, которому это интересно и близко. Картина о тюркской жизни и быте прошла в 46 странах мира и получила множество призов. Я делал не просто казахское, а наднациональное, мультинациональное кино, потому его хорошо принимали во Франции и Японии, Америке и Турции...

Футзальный «Кайрат» вызывает гордость

— **Вы уже говорили, что без футбола своей жизни не представляете. А следить за ним успеваете? На Финале четырёх в Алматы были?**

— Конечно! И страстно болел! Меня всегда приглашают, ведь «Кайрат» для меня родная команда, в которой я был и капитаном. Признаюсь, временами возникало желание выскочить на поле и помочь команде (смеётся). На площадке было бы полегче, чем переживать на трибуне. Не сочтите за брюзжание, но игра сейчас стала другой. На мой взгляд, футзал потерял в зрелищности. Может быть, теперь бы те финты и не прошли, но они в исполнении Шумахера, Жоана, того же кайратовца Андерсона, против которых мне довелось играть, вызывали восхищение болельщиков. А теперь в цене оборонительные тактические схемы и лишь упование на контратаки. Всё это обедняет игру. Победа того же «Монтесильвано» в алматинском финале Кубка УЕФА лишь подтверждает мои рассуждения.

А вообще тот факт, что в Алматы мы увидели турнир подобного уровня, радует. Если бы нам в своё время об этом сказали, мы бы от души посмеялись, как над шуткой. А теперь стали свидетелями. И то, что наш «Кайрат» стал третьим в Кубке УЕФА, вызывает гордость. Ведь футзал – тоже футбол, не в том смысле, что пони – тоже кони, а в том, что это полноценная составляющая международных календарей УЕФА и ФИФА. И наши успехи напомнили мне, что когда наша сборная пробилась в финальную часть чемпионата мира в Гватемале, в рейтинге ФИФА мы были, если мне не изменяет память, на 12-м или 13-м месте. Так что пожелаю нынешнему поколению футзалистов вновь достичь подобного результата.

ТУРСУНОВ Ермек Каримжанович

Родился 20 июля 1961 года. Режиссёр, поэт, писатель, переводчик, киносценарист, автор сценариев, член Союза журналистов СССР. Лауреат международных конкурсов, лауреат премии «Алтын Адам» 2010 года в номинации «Казахстанец года» за вклад в формирование международного имиджа Казахстана. Образование: КазНУ им. Аль-Фараби (КазГК), факультет журналистики, ВГИК, сценарный факультет. В 2008 году вышел его скандальный фильм «Келин», где он является не только режиссёром, но и сценаристом. В 2009 году презентован новый роман Ермека Турсунова «Мамлюк», посвящённый знаменитому государственному деятелю средневекового Востока Султану Бейбарсу. Двукратный чемпион Казахстана, призёр многих международных турниров, бронзовый призёр чемпионата Азии по мини-футболу, мастер спорта международного класса.

* * *

Режиссёр Ермек Турсунов: «В лесу все ёлки зелёные»

Ольга ХРАБРЫХ, фото – Тимур БАТЫРШИН. Газета «МК в Казахстане», 3.01.2012 г.

Казахстанский режиссер Ермек Турсунов планирует представить свой фильм «Шал» («Старик») по мотивам произведения Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» в основном конкурсе Каннского кинофестиваля. Моралисты, устроившие бурю в стакане воды из-за «непристойности» его картины «Келин», могут заранее не возбудиться: в новом фильме секса нет. Чтобы завершить ленту «Шал», Турсунову необходим еще месяц. Однако уже сейчас картину у себя хотят отборщики Берлинале, но Турсунов стремится именно в Канны.

На вопрос «Как вы оцениваете свои шансы на французском кинофоруме?» Турсунов отвечает: «Этого никто не знает. Во всяком случае, мы с президентом «Казахфильма» Ермеком Аманшаевым хотели бы видеть картину в Каннах. А там посмотрим. Лично мне дух «соревновательства» голову не кружит, поскольку я работаю не за призы. Главное, чтобы картина смотрелась достойно и осталась у зрителя в памяти. Я делаю штучные вещи. Вручную. Это занимает много времени. Например, над «Стариком» мы трудились почти два года».

Ещё одна новая работа Турсунова называется «А-207», сейчас Ермек пишет для неё сценарий. Это современная история двух братьев, которые приезжают из аула и пытаются устроиться в большом городе. Когда-то и сам Турсунов хотел бросить якорь в США, но ностальгия замучила его, и он вернулся обратно.

— Тоска по Родине была слишком сильной?

— Ощущение безысходности в разные периоды жизни возникает у каждого человека. Но сейчас меня больше волнует настоящее, и я с грустью наблюдаю за тем, что происходит вокруг. Я по своей природе одиночка и не участвую в коллективных мероприятиях: ни в митингах, ни в акциях в поддержку кого-то, ни в выборах. Я вообще считаю, что парламент — это такой профессиональный «клуб любителей Казахстана», участники которого сменяют друг друга, но ситуация от этого не меняется. А моя жизнь идёт параллельным курсом и самое важное из того, что я могу себе позволить, — это не участвовать. Оставаться в стороне. В моем случае неучастие — довольно активная позиция: я же не стою на месте, а постоянно что-то делаю — пишу книги, сценарии, снимаю фильмы. Но мейнстрим — это не моё.

— Как вы думаете, для кого работают современные казахстанские режиссёры — для власти, для себя или для народа?

— Когда режиссёр делает кино для власти, на экраны выходит «Прыжок афалины». Кто-то работает для себя: как результат – «Анна Каренина» в казахском варианте («Шуга» Дарежана Омирбаева. – О.Х.). «Кыз Жибек» и «Ангел в тубетейке» – для народа.

— **А в вашем случае – каков вариант ответа?**

— Я хочу быть честным – работаю скорее для себя. Потом эти вещи смотрят или читают люди. Кому-то нравится, кому-то нет. Но я не буду снимать картины или писать книги, чтобы кому-то понравиться. Пусть зритель сам выбирает, что ему по душе.

— **Что вы почувствовали, когда ваша лента «Келін» вошел в девятку фильмов, претендующих на «Оскар» в номинации «лучший зарубежный фильм»?**

— Занятно было. Сначала фильм отметил оскаровский комитет в Казахстане, а потом он попал в девятку. Картина жила сама по себе, и никто особо не участвовал в её продвижении. Так получилось. Форс-мажор по-казахски...

— **Гульнара Абикиева назвала вас человеком, изменившим свою судьбу...**

— Она имела в виду то, что я мог бы и дальше жить «кучеряво», возглавляя газеты и телеканалы, но в определённый момент решил заняться тем, что мне по-настоящему интересно. А вообще я избегаю патетики, не терплю фанатизма и не люблю ходить по красным дорожкам.

— **И вы никогда не жалели, что ушли из журналистики?**

— Глядя на нынешнее телевидение и читая нынешние газеты, я благодарю Бога за то, что во всём этом не участвую.

— **Вам часто приходилось делать людям больно ради искусства?**

— Больно? Скорее – неприятно... Вот пример. Главную роль в моей картине «Шал» сыграл Ерболат Тогузаков – старожил киностудии «Казахфильм», работающий там около сорока лет, человек в возрасте. Февраль. Мороз. Горная речка. У Тогузакова день рождения, а по сценарию старик прыгает с моста. Понимаю, что за это меня невзлюбила группа, но я не мог поступить иначе и заставил его прыгать в ледяную воду. Приятного в этом мало, конечно. Было два дубля...

— **Он заболел?**

— Съёмочный период – это маленькая война, а на войне гриппом не болеют. Но уже потом, когда начинаешь вспоминать, что творил, становится немного не по себе. Кино – это синтетический продукт, создавая который ты пытаешься влиять на эмоциональное состояние людей. Кто-то умный сказал: «Трудно разбудить человека, делающего вид, что он спит». А поскольку у нас сейчас все спят, приходится применять нестандартные методы и прибегать к шоковой терапии.

— **Какого стиля вы придерживаетесь в режиссуре – тоталитарного или демократического?**

— Я полный раздолбай и лодырь. И вмешиваюсь в рабочий процесс только, когда вижу какие-то явные нестыковки. Дело в том, что обычно мой фильм «снят» и «смонтирован» в подготовительный период. Он весь уже сложен в моей голове. А на площадке остаётся только зафиксировать всё на плёнку. Поэтому там я больше валяю дурака: играю с мячом, который у меня всегда с собой, докапываюсь до занятых людей, отвлекаю, подкалываю всех вокруг – это помогает снять напряжение.

— **Недавно Институт политических решений открыл новую программу «Система координат. Культура. Кино», где, как у Александра Гордона в «Закрытом показе», сначала демонстрируют отечественные фильмы, а потом их обсуждают. Могут ли такие инициативы повлиять на состояние нашего кинематографа?**

— Такие дискуссии нужны, но только в том случае, если в них участвуют профессиональные киноведы или просто думающие люди. Однако это не сильно повлияет на уровень казахстанских лент, число которых растёт из года в год. Количество не всегда переходит в качество. Есть отдельные картины, где можно найти удачный план, «вкусный» эпизод, неплохую игру актёров, но, как правило, это не относится ко всей картине в целом. Впрочем, это моё личное, а потому – субъективное мнение.

— **А сами бы хотели сесть в кресло главного героя на телепрограмме Гордона?**

— Почему нет? Это было бы полезно, во всяком случае, там хотя бы соблюдается определённый уровень дискуссии. Александр Гордон делает хорошее дело, поскольку старается показывать серьёзные картины. Хотя летом я монтировал в Москве свой фильм и общался с российскими киношниками. И пришел к выводу: несмотря на то, что в России снимают на порядок больше, кино там умерло. Кино там больше нет. Выработался некий сериальный формат, куда все профессионалы ушли, грубо говоря, «рубить капусту». Телевизор – главный заказчик, и он устанавливает свои правила игры. Но это уже не кино, а поток. В этом смысле современных российских киноделов и кинорубов выручает афганская и чеченская темы. Впрочем, и их уже отработали. Думаю, скоро закончится и время ментовско-бандитских разборок. Но все вы знаете: если в Москве идёт дождь, то через несколько дней он доходит до нас. В нашей стране уже наступает расцвет сериалов.

— **Чего ещё не хватает нашим кинематографистам?**

— Я не знаю, кому чего не хватает... Зачастую в нас сидят провинциальные комплексы, поэтому мы расстилаем красные ковры перед второразрядными зарубежными звездами. К нам зачастил Жерар Депардьё, но он самый приличный из всех, кого я здесь видел, актёр мирового уровня. Кстати, сценарий к фильму «Поздняя любовь» довелось писать мне, я и должен был его снимать, но не смог найти общего языка с продюсером. В сценарии одним из ключевых персонажей был – старый немец, но я не видел Депардьё в этой роли. Этот актёр – знаковая и самодостаточная фигура в мировом кинематографе, и его не нужно делать немцем. Из-за этого у нас начался конфликт с продюсером. Я говорил, что над нами будет смеяться весь Запад. Но продюсер настоял на своём, и фильм вышел с Депардьё. Неплохой, кстати, фильм получился. Добрый.

— **Есть ли в отечественном кино, за которым могли бы последовать другие?**

— Я не вижу таких личностей ни в кино, ни в театре, ни в литературе... А те, что есть, слились с общей массой. Понимаете, в лесу все ёлки – зеленые. В Англии очень хорошие газоны – ровные, стриженные, за ними ухаживают и поливают столетиями. У нас примерно та же ситуация: все вылизано, рассажено по грядкам и ровно пострижено. А если и вылезет какой «сорняк», его тут же норовят вырвать с корнем, чтобы посмотреть, правильно ли он растёт...

* * *

В Казахстане ложь – форма жизни

Вадим БОРЕЙКО. Газета «Голос Республики», №14 (236) от 13.04.2012 г.

В любой сфере культуры есть лидер, за которым все идет, – не в плане организационном, а в плане творческом. Таким лидером нации в 1960-е годы был Олжас Сулейменов. В казахстанском кинематографе этот лидер долго не определялся. После фильма «Шал» стало понятно, что это Ермек Турсунов.

**Гульнара АБИКЕЕВА, киновед, доктор
искусствоведения**

Может быть, Ермек Турсунов – один из тех, на кого стоит ориентироваться молодежи. И может быть, он единственный.

Олег БОРЕЦКИЙ, кинокритик

В казахском обществе общественное всегда стояло выше индивидуального. Коллективно было легче выжить. Индивидуалисты не выживали. Это было проклятие, когда кого-то выгоняли из общины.

Ермек Турсунов снял фильм «Шал» (продюсер Александр Вовнянко, оператор Мурат Алиев), казахскую адаптацию повести Хемингуэя «Старик и море», только вместо старика, большой рыбы марлин, акул и моря здесь главные действующие лица – старик, овцы, волки и степь. Это второй фильм режиссера. Первый, «Келін», вышедший на экраны в 2008 году, в Казахстане подвергся ожесточенной травле, в том числе в стенах парламента. В остальном мире ему аплодировали стоя, а на «Оскаре» четыре года назад он попал в шорт-лист в номинации «лучший иностранный фильм». Хотя «Шал» видели пока только участники закрытого просмотра в алматинском кинотеатре «Арман» да члены киноклуба Олега Борецкого, критики уже сегодня называют картину классикой казахстанского кинематографа и ставят в один ряд с такими «лентами навсегда», как «Кыз Жибек», «Меня зовут Кожжа», «Земля отцов». Киностудия «Казахфильм», на которой сделан «Шал», отправила его в отборочную комиссию Каннского фестиваля, который пройдет в мае. Результаты отбора станут известны 19 апреля.

Стариков много – аксакалов не осталось

— Ничего, что я с тобой на «ты»? Может, теперь тебя Ермек Каримжанович называть?

— (Хохочет). Действительно. Ты как сидишь?!

— Короче. Теперь, как ты есть культурный лидер и практически живой классик, имеешь полное право, по примеру своего предшественника на этих двух постах, инициировать какой-нибудь референдум. Какой вопрос ты бы на него вынес?

— Ты как-то сразу обухом по голове. Я ж тугодум. Мне надо подумать. Дай сформулировать. Вот, вопрос был бы такой: «Доколе мы будем находиться в жопе?» Наша культура – это провинциальная трясина. И ее как таковой не осталось. Я тебе реальный пример приведу. Недавно, ты знаешь, был закрытый показ «Шала». Его не я инициировал, поскольку не могу широко показывать фильм, пока не станет известно, прошел ли он в основной конкурс Каннского кинофестиваля. Если пройдет – премьера должна быть в Каннах. Так вот, организаторы показа попросили меня составить список людей, кого я хотел бы пригласить. И представляешь, я написал только 5 человек! Мне больше некого позвать!

— Это люди, которые тебя понимают?

— Это те, к мнению которых я прислушиваюсь, кого считаю интеллигентными людьми.

— Давай покажем на них пальцем.

— Мурат Ауэзов, Герольд Бельгер, еще несколько. И всё – пипец! Я ведь все телефоны в сотке изучил, старые блокноты поднял, но там – люди, которые ушли: Калтай Мухамеджанов, Морис Симашко, Оралхан Бокеев... Иных уж нет, а те далече. Отчасти ведь «Шал» и о том, что старики уходят. Я недавно пришел к мысли, что стариков много – аксакалов не осталось. Понимаешь? Ведь аксакал – целое понятие в казахской ментальности. В первую очередь, это не столько возраст, сколько совесть. Это человек, который может прийти к кому угодно, включая хана, и сказать: «А вот здесь у тебя косяки». Аксакал – это достоинство. Носитель генокода нации. Человек, который имеет право – в силу возраста и заслуг – говорить всем, что считает нужным, и никто не может ему возразить. А те, кто сидят в приемных и квартиры просят, ордена-медаливыбивают, – это уже не аксакалы. Есть же еще целое искусство – умение красиво стареть. А наши старики разучились это делать.

— Говорят, в старости имеешь такое лицо, которое заслужил.

— Вот! Поэтому настоящих аксакалов – единицы. Они – как островки в безмерном море говна. И к ним прибиваешься, держишься за них, а они всё уходят-уходят-уходят, и мы уже по самые ноздри в этой субстанции. А когда долго в ней сидишь – вони перестаешь чувствовать. У нас слишком затянулось это состояние, мы привыкаем к тому, что так оно и должно быть.

Было бы болото – лягушки найдутся

— Всё, чем я занимаюсь, Вадим, – это психоделика. То есть попытка что-то противопоставить всеобщему бедламу и бардаку. Контрпрограммировать культуру. Потому что мы все запрограммированы, нам говорят: вот Баян Есентаева или «Небо моего детства» – это кино. Да ни хера это не кино! Может, это снимается по законам кинематографа, все его ингредиенты присутствуют, но в итоге я не могу согласиться с тем, что это кино. Потому что у меня школа, которую я прошел у умных московских мастеров – Митты, Мотыля, Мережко, Рязанова, Дунского. Это люди, на которых держится российский кинематограф – не нынешний, а тот, классический. И они научили меня понимать, что есть кино, а что – не кино. «Не кино» у нас больше. Было бы болото – лягушки найдутся. И здесь – одни лягушки. Вот почему я и поставил бы такой вопрос на референдум.

Чем больше яйца у коня – тем патриотичнее

— Ты почти предвосхитил мой следующий вопрос, но я его все равно задам. Мы с тобой знакомы почти тридцать лет, я тебя помню как журналиста «Ленсмены», знаю как писателя – автора книг «Прелюдия», «Тамга», «Мамлюк», «Семь майских дней», сценариста фильмов «Абулхаир-хан», «Мытарь», «Мустафа Шокай», «Кто вы, господин Ка?». Успел ты поруководить газетами «Избиратель» (орган движения «Невада-Семей»), «Мегаполис». Был гендиректором Алматинского телецентра ТРК РК, генеральным продюсером «31 канала». Сделано вроде немало, жизнь в целом удалась, кризис среднего возраста успешно миновал. Что ж тебя заставило в возрасте «хорошо за сороковник» взяться за профессию кинорежиссера? Да, предпосылки к ней были: опыт руководящей работы, сценарии писал, запахи киношной кухни тебе знакомы. Но режиссер – это ведь очень рискованное занятие, выхлоп непредсказуемый, без всяких гарантий успеха, в люди выбиваются единицы... Попытаюсь я несколько версий предложить, а ты назовешь правильную. Возможно, была самая последняя капля, когда ты сказал себе: меня всё это достало! Либо эволюция твоей личности достигла критического предела, который требовал перехода в новое качество.

— Где бы я ни был и чем бы ни занимался – всегда писал: рассказы, повести. Для чего – непонятно. И всё это складывалось в стол. А когда закончил в 1990 году Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино СССР и приехал на «Казахфильм», здесь всё стояло – по коридорам собаки бегали. Стал главным редактором «Избирателя», там собралась приличная банда: Володя Рерих, Алена Островская, Лера Цой, да и ты же с нами сотрудничал. Потом в 1991-м уехал на длительную стажировку в Штаты: стало тяжело выживать. Да еще разочаровался во всем этом казахском...

— **В чем именно?**

— Ну как об стенку, понимаешь? Невозможно было ее пробить. Непроходимый аутизм, который мы ошибочно выдаем за национальный колорит. Казахи, наверное, единственная нация, которая умеет обращаться с временем, как это представлял себе Эйнштейн, придумавший теорию относительности, которую сам плохо понимал. А казахи со временем в ладах. Они способны одновременно жить в трех этих...

— **...временных континуумах?**

— В них. Есть люди, которые существуют черт знает в каких веках, причем живут по тем еще законам, с батырами общаются, с биями. Вторые поддерживают их, помогают памятники ставить, мечети всюду строить, улицы переименовывать. А третья категория – из 21 века: в Аккорде дела делают, вышки нефтяные продают.

— **Насчет второй группы не совсем понял. Уточни.**

— Это ультрапатриоты, которые спекулируют на национальной идее. Сейчас же казахом становится очень выгодно быть. Раньше пиписьками мерились, а теперь соревнуются, кто больший казах, кто народ сильнее любит. И вот они поддерживают первых, кто на самом деле живет в той эпохе: в каждом ауле должен быть батыр и памятник ему в позе Ильи Муромца, а у коня под ним – вот такие яйца! И чем больше яйца – тем патриотичнее. А батыр вдаль смотрит, врагов ищет. У казахов же всегда было до фига врагов. Я радуюсь, что нам в истории попались джунгары. Потому что мы их всегда били. На этом строится очень много киношного материала. В

«Кыз-Жибек» джунгар бьют. В «Кочевнике» – тоже. Сейчас «Мынбала» снимается: там опять джунгары – мальчишки для битья. Главное – чтоб было кого мочить (смеется).

Хватит спорить, чьи мертвецы круче!

— **Давай вернемся в твой временной континуум 20-летней давности.**

— Тогда не было такого резкого, как сейчас, разделения на казахов русскоязычных (к которым я условно относился) и казахоязычных. Обстановка в Алма-Ате была куда более интеллигентная: существовала культура спора, дискуссии, они были продуктивными. В советское время на 7 этаже в Издательстве ЦК сидели две молодежных редакции – «Ленинская смена» и «Лениншіл жас». Редактор «Ленжаса» Сейдахмет Бердикулов был интеллигентнейший человек! И почти вся редакция такая.

— **Хорошо это помню, сам в «Ленсмене» начинал.**

— И в Союзе писателей была аналогичная ситуация. А сейчас быдломанское время, доминируют «дикари с букварём», как я их называю. И мы не спорим – мы базарим. А базар – не спор. Но я и 20 лет назад, в обстановке культурной дискуссии, убеждал: ребята, мы идем не туда. Не надо лезть в историю. Хватит спорить, у кого мертвецы были круче. Давайте смотреть не назад, а вперед. В настоящем у нас нет никаких достижений, мы потеряли пассионарность, но продолжаем твердить: зато в нашей истории были Аблай хан, Абулхаир... Сколько можно об этом говорить! Ты расскажи, кто ты сейчас. И что из себя представляешь. Ты во всём чужом ходишь, живешь в окружении чужих вещей, пользуешься достижениями чужих технологий. А что – твое? Только выражение лица. Тогда чего ты выделяешься?

— **Давно заметил, что у всех национал-патриотов, не только местных, есть общее свойство – гордиться тем, в чем нет никакой их личной заслуги. Например, этнической принадлежностью, предками или местом рождения. С таким же успехом можно гордиться, скажем, днем недели, в который ты появился на свет. Родился 13-го, в «черную» пятницу, – круто же!**

— Или кто-то говорит: левша лучше, чем правша. А чем лучше? Чем правша. Я все время пытаюсь сформулировать, что происходит. Да, раньше было плохо: очереди, дефицит, коммунисты. Но так безысходно, тупиково плохо, как сейчас, – не было. Мне сценарий принесли – там грамматические ошибки. Говорю автору: у тебя не то что по ремеслу проблемы – здесь банальные ошибки. А он мне: фигня, компьютер исправит.

— **Не сыпь мне соль на сахар. Грамотный человек сегодня – ботан, моральный урод и исчезающий вид.**

— Во что превратили телевизор – это помойка каждый день. Нет ни одной газеты, где была бы грамотно выстроенная русская или казахская речь. Я говорю, читаю и слушаю на двух языках. И вижу катастрофический уровень деградации ВСЕГО. Вообще я очень пессимистично настроен насчет будущего этой страны. За границей я пожил, но оставаться там насовсем было уже поздно, и поскольку я абсолютный мамбет, то вернулся. Вот моим детям (у Ермека две дочери – 13-летняя Алима и 8-летняя Айганым. – В.Б.) тут будет очень тяжело. Потому что к тем правилам игры, которые здесь навязали и которые превратились в обычную жизнь, мы с тобой уже принохались, и нам в нос не шибает. А дети вырастут чувствительнее нас.

Три года, когда писал «Мамлюка», я жил на Ближнем Востоке – в Сирии, Иордании, где чистый ислам. Как-то едем по пустыне с профессором Мухафэлем. Знает восемь европейских языков, ведущий мамлюковед арабского мира. Вдруг останавливаемся, он просит: подожди пять минут, у меня дело. Расстелил коврик, помолился – поехали дальше. Это у них – как зубы почистить. А у нас это – поза. Казахстан – самая немусульманская страна в исламском мире. Отношение к религии, к Богу превращается здесь в кич, в моду, в отращивание бород. Девочки вдруг стали хиджабы носить, хотя не знают, что за всем этим стоит. Это не человек к Богу пришел, а папаша детям пропихивает ислам, которого сам не понимает.

Мы потеряли веру. Потеряли стариков, а вместе с ними – совесть, достоинство и честь. Потеряли язык, который стараемся восстановить с помощью государства, но всё, что превращается в госпрограмму, – всегда кампанейщина.

В хвосте эшелона, рядом с туалетом

— Сегодня во всем мире формируются новые нации. Казахстан тоже пытается это делать. Я смотрю на эту нацию: за 20 лет выросло поколение полуобразованных дебилов, которые на слух отличают Леди Гага от Бейонсе, но даже за деньги не отличат Курмангазы от Даулеткереев. Это абсолютно дезориентированные люди, которые в вузах разводили зачеты и экзамены за бабки преподавателю или через его постель.

У нас абсолютно аморальная страна. Она живет в атмосфере чужих ценностей, накоплений и достижений. Из своего остались разве что ложные комплексы и какая-то странная гордость, не подкрепленная собственными реальными заслугами. У нас ложные поводеры, ложные надутые лидеры. В Казахстане ложь как форма жизни пропитала собой всё. И теперь она претендует на то, чтобы стать правдой. Иногда даже убеждая нас, что так действительно и есть. Есть газеты – но это не газеты. Есть телевидение, а в телевизоре кто – вот эти люди? Говорунов много, но слушать долго никого нельзя: они сформулировать ничего не могут. У нас вроде признаки социальной жизни есть, но они не функционируют...

— **Причиндалы, в общем.**

— Если в России есть Ксения Собчак – у нас появляется Баян Есентаева. Там возникает какой-нибудь Басков – и тут же у нас его клон. Клоны, клоны, клоны. Третьи варианты четвертых копий. В итоге – мы черт знает какая копия чего-то. Едем в хвосте эшелона новых наций, рядом с туалетом. И еще чем-то кичимся.

Постой, паровоз!

— **Возвращаюсь к полузабытому вопросу, почему ты стал-таки режиссером. Это была попытка прибиться к острову, который еще не утонул в море дерьма?**

— Да! И потом работа – еще и психотерапия. В которую уходишь, когда уже не можешь смотреть на происходящее.

— **Писать книжки и сценарии – тоже вполне приемлемый способ внутренней эмиграции. Но тебе же этого не хватило, и ты подался именно в режиссуру. Тебя не устраивала визуализация твоих сценариев другими людьми?**

— Да! Сценарист – очень зависимый человек. Ты работаешь под чужое видение. Если ты написал что-то своё, оригинальное, не факт, что на экране увидишь то, что ожидал.

— **Тем более что съемочный процесс – это часто «шёл в комнату, попал в другую». Фильм начинает жить своей жизнью.**

— И никто не знает, что выйдет в итоге. Съёмки – это когда паровоз набрал ход, сценарист может в него запрыгнуть, но управлять – уже нет. В 1991 году я написал сценарий к «Абулхаир-хану», а когда увидел, какое кино получилось, попросил режиссера убрать мою фамилию с титров.

— **А если ты и автор сценария, и режиссер – тогда своё кино и ужинаешь, и танцуешь?**

— Больше шансов, что увидишь на экране то, что хотел. Поскольку теперь машинист – это ты. Другое дело – потянешь ли груз, чтобы паровоз не сошел с рельсов.

Сорт внутренних предателей неистребим

— **Помню, в период травли твоего первого фильма «Келін» депутатами мажилиса (ине только ими) мы говорили с тобой по телефону, и я почувствовал твою подавленность этим обстоятельством. Хотя, казалось бы, наоборот – радоваться надо: скандал – лучший**

промоушн картине. У тебя была такая острая реакция из-за того, что понапрасну обидели твоего первенца?

— Нет. Я в очередной раз понял, что это непробиваемая стена... Вот Абай, с которым все носятся, — история великого одиночества человека, который опередил свое время. Переводил Пушкина, Гёте. А его свои же соплеменники били. В собственной юрте запинали. В 1930-е годы Байтурсынова, Бокейханова, других алашордынцев — тоже сдали свои. Это определенный сорт людей — внутренние предатели, которые писали доносы, выносили ключи от Отрара, который осаждал Чингисхан, — он, оказывается, неистребим. И у меня в тот момент было такое ощущение, что этот сорт победил. Что в моей нации их стало большинство. Я же слышал эти разговоры: «Ты снял порнуху! Ты снял поклёп собственный народ!» Когда приезжал в Лос-Анджелес, в Италию — там полные залы рукоплещут моему, казахстанскому кино. А на родине говорят, что я работаю против своего народа, что за мной стоят какие-то силы, что я шпион, да не просто говорят, а по телевизору и в газетах пишут. Да на всю страну, и продолжительное время, и говорили писатели, лауреаты всяческих премий...

— Кстати, как сложилась судьба «Келін» в прокате?

— Права на картину купила американская компания «Felix Film». Вроде бы они продали ее во все англоязычные страны, а это полмира.

— А в Казахстане?

— Здесь другая проблема была: картину ставили на 12 часов дня. Или ночи. Всячески замалчивали. До сих пор на киностудии «Казахфильм», хотя там плакаты сотен картин, постера «Келін» нету. Я не знаю, в чем причина. Для любой страны попадание ее фильма в шорт-лист «Оскара» — несомненное достижение. Помню статью в «Известиях» под заголовком «За честь СНГ на «Оскаре» поборется Казахстан». А у нас — то замалчивают, то требуют вызвать меня для объяснений в прокуратуру или КНБ. Были же и такие запросы от депутатов.

Идея фильма родилась за чашкой чая

— Давай, наконец, поговорим о фильме «Шал». В титрах читаю: автор идеи — Маулен Ашимбаев. Уж не тот ли это Маулен Ашимбаев, который сейчас сидит в парламенте, а в 2006 году работал замглавы администрации президента и по телефону учил нашего Мельцера (главный редактор газеты «Время» в 1999—2011 гг. — В.Б.), как делать правильную газету?

— Знаю Маулена прежде всего как сына моего друга Сагата Ашимбаева (известный журналист, председатель Госкомитета КазССР по телевидению и радиовещания, умер в 1991 году в возрасте 44 лет. — В.Б.). Я бывал у Сагата дома, и рядом с ним всегда был Маулен, он младше меня на 10 лет. Но, когда он стал большим начальником, я никогда не разговаривал с ним в кабинетах на административно-политические темы. Я его знаю как нормального высокообразованного человека. То же и с Дарханом Мынбаем — я не в курсе, какой он министр культуры и информации: он просто мой кент.

— И как произошло, что Ашимбаев подсказал идею фильма режиссеру?

— Однажды встретились, и он предложил снять на казахском материале «Старик и море». Я говорю: «Ты с ума сошел? Это неснимабельное кино: старик, удочка и внутренний монолог. Видеоряд очень скучный. Это не киношная история». Но сама тема меня все-таки зацепила.

— Мысль превратить море в степь, а акул в волков принадлежит Маулену?

— Нет. Он просто сказал: «Старик и море» надо делать по-казахски». Это буквальные его слова. А я идею воспринял как вызов. Есть куча экранизаций повести Хэма, все дурацкие. Кроме гениального мультфильма Петрова (лауреат «Оскара». — В.Б.). Я перечитал «Пегий пес, бегущий краем моря» и «Плаху»...

— Да, в «Шале» немало айтматовских мотивов.

— ...и начал перекладывать их на кинематографический язык. Люблю братья за всё нестандартное, когда говорят, что это невозможно сделать. Если перед тобой поставили высокий забор – интересно же залезть и посмотреть, что за ним.

— **То есть заслуга Ашимбаева – в том, что он инфицировал тебя идеей?**

— Абсолютно так.

— **И ты считаешь, что его роль в создании картины...**

— ...очень большая.

— **И это не было формой государственного патернализма?**

— Нет (смеется). Он же не сказал мне: вот мы тут подумали в администрации президента и решили поручить тебе. Всё родилось за чашкой чая.

На этом диске – два миллиона долларов

— Ну, а теперь позволь поздравить тебя, продюсера и всю съемочную группу. Получилась очень динамичная и захватывающая, отлично снятая история, за которой следишь неотрывно, затаив дыхание. А это в кино – главное. Потом, после просмотра, можно накопать потаенных смыслов, метафор и символов – этого добра там валом. Я не кинокритик, говорю тебе как обычный зритель. Откуда взлились деньги?

— Написал сценарную заявку, отдал на «Казахфильм», потом сочинил сценарий, его утвердили на сценарной коллегии. И через полгода мы запустились. Всё как обычно.

— **Когда ты давал мне DVD с фильмом для домашнего просмотра, под честное слово, что не солью его в Интернет (я не слил), то сказал: «На этом диске – два миллиона долларов».**

— Да, бюджет был в пределах этой суммы.

— **Значит, фильм государственный, и все права принадлежат «Казахфильму»?**

— На 100 процентов.

Патриоты могут радоваться: в главной роли – казахская волчица

— **Несколько чисто зрительских вопросов. Во-первых, кто тебе так выдрессировал волков?**

— В Казахстане мы их не могли найти: у кого-то был один волк, у другого два, а нам требовалась стая. Наконец, нашли в Брянской области, сколько нам нужно. Причем у каждого волка был свой инструктор, которого зверь воспринимает как вожака. А снимали так: инструктор костер перепрыгивает – волк за ним. Но это не больше двух раз. А на третий серый ляжет – и хоть бы ему что. Недрессируемое животное. Приходилось его обманывать. Чтобы получился туман, мы дымили степь, а волк на дым не бежит. Инструктора смазывали им носы чем-то, что они теряли нюх: на два дубля хватало.

А еще есть сцена, где волк хватается овцу, и старик борется с ним. Обычно американцы снимают так: сначала волка, потом человека, затем кадры монтируются. А у меня в одном плане – человек и волк дерутся. Золотой кадр, на миллион долларов. Волчица, кстати, не легионер, она местная «актриса», Мила зовут. Патриоты могут радоваться: в главной роли – казахская волчица.

— **Ты уже до мышей дорежиссировался: у тебя даже полевки всё делают, как надо постановщику.**

— 14 мышей было в банке, и все ползли не туда. Не помню, сколько дублей сделали, и всё зря. А этого мыша я держал про запас: он-то и сыграл. В «Келін» было полтора десятка видов животных: филины, вороны, снова мыши... Опытный и умный режиссер с животными не связывается. Как и с детьми.

— В конце фильма у тебя написано: «В процессе съемок ни одно животное не пострадало». А голову коня Орлика, которую отгрызли волки, ты на скотном рынке, что ли, купил?

— На базаре в Узунагаче. Конь был игровой, его нельзя трогать. Я послал ребят, они купили голову и хвост.

— Ну слава Богу. А то у меня к Тарковскому сложное отношение из-за двух кадров в «Андрее Рублеве» – когда лошадь падает с лестницы, ломая ноги, и когда он поджег живую корову.

— В «Шале» «мертвых» волков мы на время усыпляли. Правда, если честно, пара баранов пострадало: пришлось зарезать.

— Так у тебя и главный герой говорит: «Никогда не видел, чтобы баран умер своей смертью».

Если выживешь после роли – будешь здесь номер один

— Где ты отыскал исполнителя главной роли шала Касыма – Ерболата Тогузакова?

— Когда сценарий писал, уже тогда понимал, что найти старика – основная проблема: актерская нагрузка очень тяжелая – и физическая, и эмоциональная. В начале фильма у него один характер, в конце – совсем другой. Всё действие держится на нем, а там и схватка с волками, и в речку он падает...

— Бросил! В ледяную воду! 73-летнего аташку! Да еще в его день рождения! Как тебе не стыдно?!

— (Насчет «стыдно» – ноль внимания). Среди профессиональных актеров кандидата на роль я не видел. Сыграй, допустим, Асанали Ашимов – это была бы другая картина. Правда, был актер Касым Жекебаев, совершенно гениальный, но уже совсем старый и больной, прикованный к постели. И когда мы снимали картину с Тогузаковым – Жекебаев скончался. И тогда в его честь я переименовал главного героя из Сарсенбая, кем он был первоначально, в Касыма. Этого я еще никому не говорил, кстати.

А Тогузаков работал на «Казахфильме» чернорабочим. Я несколько раз его замечал на студии то с тележкой, то с мешком мусора. Стал присматриваться, как-то поговорил с ним ни о чем. Обратил внимание на мимику, на глаза. У него глаза человека, очень много видевшего и страдавшего.

Незадолго до начала съемок подхожу к нему: «Ерболат, хочешь в кино главную роль сыграть?» – «Ты что, издеваешься?» – «Когда-нибудь слышал имя Хемингуэй?» – «Слышал». – «На, почитай сценарий». Он прочитал. Понравилось. А кастинг на главную роль был жестокий. В кресле, где ты сидишь, 40 стариков побывало, из дома престарелых даже приносили. Я понимал: у кого-то сердце, давление, недуги. И в итоге этого Тогузакова утвердил. Сказал ему: «Ерболат, если ты выживешь после этой роли – то будешь здесь номер один». Он ответил: выживу. И понеслась! На съемках его оберегали все. После того, как шал по сценарию упал в речку, бабы облепили, растирали его. Молодец, неукоснительно следовал всем моим указаниям. Мне вообще с пожилыми актерами везет. В «Келін» бабка снималась, потом стала лучшей актрисой года. Звонит однажды: «Я в Гамбурге, у одного немца играю».

— А Тогузаков где сейчас трудится?

— Там же, тележки таскает.

— Что – до сих пор?

— Да. Представляешь?

— Обалдеть. Будем надеяться, что скоро всё переменится.

Это не мой ребёнок!

— **Про Орынбека Молдахана, исполнителя роли внука Шайтанбека, расскажи.**

— Золотой пацан. Сразу скажу, что это не мой сын. А то все шушукались: мой, мой – настолько похож. Я когда его на кастинге увидел – даже испугался. Отвел в сторонку, спрашиваю: как маму зовут? сколько тебе лет? где родился? Говорит, двенадцать. Вспоминаю, где был 12 лет назад. Нет, там всё чисто (давится от хохота). Ну, тогда пошли работать. Аульный пацан, кстати, из-под Алматы.

Не могли в 16 веке убирать за скотом в расшитых камзолах!

— **Где снимали?**

— На Кордае, в степи. Когда начал таять снег, на плато Ушканыр поднимались.

— **Тем не менее, в фильме незаметна какая-то конкретная географическая привязка. Это намеренно?**

— Абсолютно. У меня вообще к этим вещам – жузовским заморочкам – снисходительное отношение. Я снял просто притчу: где-то, когда-то, кто-то.

— **И все-таки картина одновременно и глубоко национальна, и не менее глубоко космополитична.**

— Так это для меня самое главное! На национальной почве я пытаюсь делать обобщения. Считаю, что претендующий на роль художника должен на национальном материале говорить об общечеловеческих вещах. А большой художник всегда наднационален, он работает с теми категориями, которые понятны любому китайцу, японцу, американцу – то есть просто человеку. Ненавижу, когда делают лубок: русская баба в кокошнике или наш кемешек, узоры. Не верю я в это. Не могли они в степи в 16 веке убирать за скотом в расшитых камзолах. Это наше большое воображение.

Когда ты говоришь о понятных вещах всем, но о чем-то своем – только тогда будешь интересен им. Оригинальностью своей. А в чем наша проблема? В том, что мы хотим быть на кого-то по-хожи-ми. Пытаемся повторять Тарантино, Гая Ричи, Висконти, Феллини. Но у нас это не получается и никогда не получится, потому что они оригинальны в своей сути. А ты не подражай. Скажи что-то своё. Если, конечно, у тебя есть что сказать. Уверен: когда казахи посмотрят «Шал», они признают – это же всё наше! А кубинцы с американцами им ответят: не-ет, это наш Хемингуэй. Вот что я имею в виду.

Баранов звали Гарринча, Ривелино и Пеле

— **Немногие знают, что в свое время ты играл за национальную сборную Казахстана по футболу. В «Шале» ты запечатлел свою любовь к футболу сполна. И когда старик сладострастно болеет за «Реал» с Моуринью и Роналду. Но особенно – когда бараны в его маленькой отаре носят имена бразильских легенд: Ривелино, Эдсон Арантес ду Нусименто (он же Пеле), Гарринча – такой же хромым, как и его «прототип», а он рисует им краской на спинах номера, как на футболках. Прекрасный ход! Всегда радуюсь, когда вижу что-то впервые.**

— Самое прикольное, что родившегося в степи, в пурге ягненка мы сначала называли Тайсон – потому что черный. Потом кто-то сказал: а вдруг настоящий Тайсон в суд на нас подаст за то, что мы из него барана сделали. Или, хуже того, ухо откусит. Так ягненок стал Марадоной. Короче говоря, я наконец оживил то, что у нас никогда не работало: наша степь, наши пейзажи, бараны, кони, волки. Они действительно ожили, стали персонажами. Будь я членом жюри какого-нибудь кинофестиваля, приз за лучшую женскую роль дал бы волчице, а за лучшую роль второго плана – барану Гарринче, безвременно ушедшему из картины (старик перерезал ему горло, оставив на съедение волкам, и тем спас отару. – В.Б.).

Мы не прошли испытание сытостью

— Одна из главных сцен картины, когда шал и охотник, недобитый волками, коротают ночь в ракетной ступени, упавшей в степи, и ведут мировоззренческий спор. Крутой браконьер похвально, что к нему приходили святые старцы, просили денег, и он построил мечеть, где теперь ведет частные разговоры с Богом. На что старик возражает: разве можно с Богом вести расчеты? Далее – в том же духе. Дед рассказывает и о своей мечте: когда Шайтанбек вырастет, он продаст баранов, «поступит» внука в «Йельский народный университет» (шал понимает «Йель» как «Ел»), тот выучится, увидит мир и станет человеком. Мы что, с тобой за 20 лет не видели «болашаков», которые, закончив учебу, возвращались (если возвращались) в Казахстан и оказывались такими же охотниками-коррупционерами, грабителями страны и уничтожающими ее природу? Где гарантия, что Шайтанбек не прибудет к тем же берегам?

— Есть надежда на генокод. Связь между дедом и внуком присутствует. А вот вакуум между этими двумя поколениями заполнили «охотники». С ними я, условно говоря, простился: это мусор, навоз на полях истории. Наши родители, которые родились в 20—30-х годах, почти ничего хорошего в жизни не видели: коллективизация, репрессии, война, разруха, голод, целина. Родовались любой мелочи, купили телевизор или холодильник – счастливы. Но мне кажется, они были чище нас. Потому что выдержали испытание голодом. Но бывает испытание/рр и сытостью. И вот его мы не прошли. Последствия чего повсеместно и наблюдаются. «Охотники» перестали относиться к степи как к матери: относятся к ней потребительски – приезжают пострелять да нагадить. И она стала им мачехой. В финале фильма какой вывод? Выжили те, кому жить дальше, – волчонок, ягненок, внук. Касым через поколение передает Шайтанбеку (а заодно и Марадоне) код выживания. А насчет современников, набивающих брюхо впрок, у меня ни иллюзий, ни надежд не осталось. Я надеюсь на внуков.

Цена искупления

— Той же ночью Касым произносит ключевую, на мой взгляд, в картине фразу: «Зря я вам показал дорогу». В Евангелии сказано: большой грех не на том, кто грешит, а через кого соблазн приходит. Смотри, какая цепь взаимосвязанных событий вырисовывается. Касым по просьбе трех охотников на «Хаммере» показывает дорогу к волчьему логову, хотя и сам знает, и их предупреждает: сейчас стрелять нельзя – волчица недавно ошенилась. Браконьеры убивают социально незащищенных волчат. Природа в лице пурги мстит охотникам, доводя двоих до гибели (третий спасается чудом), да в придачу стая режет отару старика (уцелеет лишь новорожденный Марадона) и до полусмерти задирает его самого. С последнего края деда вытаскивает внук. Так не через Касыма ли пришел соблазн? И не старик ли виновник всему? А он у тебя – главный положительный герой...

— Такова цена искупления вины. Он мог направить охотников по другой дороге, сказать «не знаю». Но указал верный путь.

— Из подобострастия перед крутыми?

— Из казахского гостеприимства: путникам надо почет оказывать. И по простоте душевной. У нас это есть – бесхитрость, она в крови сидит. Шал не мог им соврать. И не соврал. Но он ошибся. Там же еще есть метафора: Касым, плутова в степи, ищет дорогу к людям. И ходит по кругу. Так и мы блуждаем по собственной земле, оказавшись в тумане и натываясь то на обломки ракет, то на святой мазар. Земля нам мстит за то, что потеряли связь с родиной и отдали ее на растерзание охотникам.

Я хотел бы уважать государство, но государство перестало уважать меня

— В казахском обществе общественное всегда стояло выше индивидуального. Коллективно было легче выжить. Индивидуалисты не выживали. Это было проклятие, когда кого-то выгоняли из общины. Исходя именно из ее интересов, хан принимал решения. И то монархическое правление было довольно толерантным. Западные же индивидуалистические ценности здесь всё только напугали.

— Гражданского общества не случилось, и человек оказался один на один с государством.

— Я хотел бы уважать это государство, но это государство перестало уважать меня.

— У тебя вся надежда на Шайтанбека. На Чертенка, строго говоря. Но генокодом ты меня не сильно убедил. У парня два пути: или после учебы – в коррупционеры, или, если не хватит баранов на диплом, – в криминал. Но вот признаки возвращения общинности, о которой ты говорил, я увидел знаешь где? На суде в Актау над жанаозенцами! Там произошел серьезный программный сбой расписанного властями сценария. Потерпевшие узнали, что их заявления о возмещении ущерба, поданные в акимат, использовали против подсудимых. И стали отказываться от компенсаций в десятки миллионов тенге! Свидетели-полицейские раскаиваются, видя в клетке своих родственников и знакомых! Процесс валится. И тут уже не так важно, делают они это из страха перед земляками, чьи близкие попали под суд, или из солидарности с ними. Факт, что делают из общинных побуждений, которые на глазах превращаются в противовес государственному молоху.

— Знаешь, можно долго обманывать одного соседа, что это не ты выкручиваешь лампочки в подъезде. Ну двух. Но ты не сможешь бесконечно душить голову целому подъезду: придется тогда вступать в сговор с КСК. Мы все живем в одном подъезде, только на разных этажах и в разных квартирах. У одних мебель фабрики «Жетісу», у других итальянская. Но вход-выходу всех один. И если рванет – обрушится весь подъезд. Что они там – не понимают такой простой вещи?

— На этой высокой оптимистической ноте позволь закончить наш увлекательный разговор.

* * *

Ермек Турсунов: «В хоре петь не получается»

Вадим БОРЕЙКО. Портал «Республика», 23.04.2012 г.

12 апреля в газете «Голос Республики» было опубликовано большое откровенное интервью Ермека Турсунова, режиссера фильмов «Келін» и «Шал», – «В Казахстане ложь – форма жизни», которое он дал журналисту Вадиму Борейко. Оно вызвало беспрецедентно бурную дискуссию на форуме портала «Республика». Ермек Каримжанович говорит, что не ожидал от читателей такой поддержки и столь глубокого понимания его позиции. Он предложил журналисту продолжить разговор, потому что, по его собственному выражению, «мы только по краешку прошились».

Такие разные мальчики

— **Что мы приобрели, а что потеряли за 20 лет независимости?**

— Видишь ли, казахи не умеют планировать, поэтому все так боятся их импровизаций. Балансируя на канате в течение двадцати лет – то есть, по сути, импровизируя, – мы многое приобрели. Действительно, нельзя не считаться с тем, что нынче мы ездим не на «Жигулях», а на «Лексусах», и в магазинах нет очередей, и дефицитные продукты теперь распределяются не в спецбуфетах, и отдыхать мы ездим больше в Турцию, а не жаримся на Капшагае (хотя многие все еще там и жарятся), и у нас лучше, чем в Киргизии. Или в Узбекистане. Или в Сьерра-Леоне. Все это так. Но давайте спросим себя – а в чем здесь наша заслуга? Кто эти «Лексусы» собрал? Чьи одежды мы носим? Чей парфюм мы дарим своим женщинам? По чьим сотовым телефонам разговариваем? Чья техника стоит в наших офисах? Кто смастерил твой диктофон, на который я наговариваю текст? Кто придумал комп, в который ты потом набьешь этот текст? Где производились эти игровые приставки, за которыми часами сидят наши дети? На кого хотят быть похожими наши дети? А вот это, пожалуй, главный вопрос: на кого они хотят быть похожими? На Павку Корчагина, как мы когда-то, или на губернатора Калифорнии? На учителя физкультуры в школе, как мы когда-то, или на президента банка? На космонавта, как мы когда-то, или на министра космонавтики? Ну, на худой конец – на заведомо в министерстве космонавтики с нехилым окладом и всевозможными тендерами?

Я почему-то уверен, что современный мальчик-мажор с благополучными родителями хочет, во-

первых, быстрее покончить с этой формальностью, которая называется школа, и рвануть за границу. Там – получить диплом престижного, желательно британского вуза и остаться где-нибудь «в европах», зацепиться в какой-нибудь серьезной компании с международным именем и открыть счет в банке. Возвращение в Казахстан он рассматривает как крайний вариант. Но в любом случае плацдарм для него тут уже заготовлен, а правила игры родители ему объяснят.

— **Ну, не одними только мажорами сильна земля казахстанская...**

— Слушай дальше. Мальчик, у которого родители только освоили город, мечтает: буду как Серикага (Берик, Малик, Орынбек). У него есть «Прадик», особняк и жена-модель. А еще у него есть строительная компания и заправки, в которые он вложил, когда перестал быть бандитом и теперь процветает. У него есть квартира в Эмиратах, и там живет еще одна жена-модель – помоложе. У него везде завязки, потому что все его друзья, тоже в основном бывшие бандюки и рексы, теперь работают судьями и прокурорами. Кто-то сидит в Астане в серьезном кабинете, и за его спиной вместо иконы висит офотошопленный портрет господина средних лет. Хороший мальчик. Умный. Он понимает: чтобы жить и процветать в Казахстане, нужно иметь качественных знакомых. Хорошо, если среди них будут мент, судья, врач и киллер. Тогда он не пропадет и будет своим среди своих.

— **Кроме этих двух прослоек, есть ведь еще маргинальный отряд молодежи.**

— Да, и представитель его – мальчик-люмпен, которому не повезло родиться в глубинке и у которого отец – пьяница, а мать – уборщица, в лучшем случае ходит пешком в захудалую школу с озлобленными из-за низких зарплат учителями, на перемене сшибает мелочь у первоклассников и с последним звонком идет на пустырь, где собирается аульная шпана. Там он, докуривая последний бычок за местным правилом, строит планы – как можно быстро и без лишних хлопот раздобыть пару сотен баксов. Взять приступом сельсовет у него духа не хватит, а вот грабануть старика-пенсионера он сможет. Когда этот мальчик подрастет, он приедет в город, потому что в селе его все уже знают, да и делать там больше нечего. Поднаторев на легких деньгах, он уже будет искать рыбу пожирнее. А чтобы пойти на жирную рыбу, ему нужны будут такие же азартные «рыболовы». Дерьмо ведь имеет свойство скапливаться в одном месте и вот они, эти отчаянные люмпен-мальчики, находят друг друга по запаху и сбиваются в стаи, потому что город сильно корректирует первоначальные залихватские планы. Здесь уже все поделено между родителями тех везучих мажор-мальчиков. Тогда мальчик-маргинал отращивает бороду и, прикрываясь Кораном, начинает распространять листовки. Или вступает в ряды псевдопатриотов и горланит заранее заготовленные частушки о чистоте крови. Или же всерьез вынашивает идеи возрождения через передел собственности, поскольку только так он добьется так называемой «социальной справедливости». Главное, что он видит, ищет и всюду находит врагов. Идеи большевизма, просеянные через установки джихада, имеют хождение в определенных кругах. И эти круги, как выяснилось, становятся всё шире: всегда найдутся те, кто готов подкормить мальчиков, ищущих противников новых революционных идей.

Ты спросишь, что общего у всех этих – таких разных – мальчиков? А то, что ни один из них не считает, будто нет большего несчастья, чем быть богатым в нищей стране. И, поверь мне, больше ничего общего у них нет. Завтра эти мальчики станут хозяевами страны, и мне почему-то становится страшно за будущее своих детей. А воспитывать из них волчат я не хочу.

Превратности бокс-офиса

— **У тебя не сложилось ощущения, что со времени нашей молодости не только Казахстан – весь мир поглупел, я бы даже сказал – оступел?**

— Мир вообще живет в ситуации тяжелейшего кризиса в сфере культуры. В хваленой Америке, в Европе, в России происходит одно и то же: мозги выключены, зато включены ощущения. Деньги делаются «на развлечухе». Люди перестали понимать, что бокс-офис не может служить критерием качества, это перевернутая логика. У Формана в «Амадее» на похороны Моцарта собирается четыре человека, а тело сбрасывают в общую могилу. На похоронах Иванькова, известного авторитета по кличке Япончик, пришлось перекрывать московские улицы. Если следовать этой логике, получается, бокс-офис Япончика невероятно круче? Грубоватое сравнение, наверно, но оно весьма показательное.

В тех же примерно параллелях можно говорить и о таких непристойностях, как приезд в Казахстан забугорных «звезд». Я помню, как расстилались ковры перед Стивеном Сигалом или Майком Тайсоном. Я видел, как Ван-Дамма принимали в Аккорде, и он там даже пытался что-то говорить президенту. Интересно, люди, которые занимаются организации этих визитов, что-нибудь слышали о самоуважении? И если сюда на чей-то день рождения приезжает сэр Элтон Джон, то я почти уверен, что тем, кто его пригласил, совсем не важно – о чем поет уважаемый сэр Элтон Джон. И совсем не важно, какой щепетильной ориентации придерживается сэр Элтон Джон. Тут важно другое, и тому есть свое объяснение. Просто – мальчики-мажоры выросли. У мальчиков теперь новые игрушки. И они демонстрируют их другим. И те мальчики, которые только приехали осваивать город, реально обескуражены – да, это показатель! И совершают в ответ свои мещанские подвиги. Они берут в банке кредит на проведение тоя, собирают туда шестьсот полуродственников, и на этом тое поет «Ялла». Ну, на крайняк – Витас. А тамадой там зажигает Дмитрий Нагиев. Тоже нехило, правда ведь?

— **В каждой избушке – свои погремушки...**

— Я всего лишь хочу сказать, что пока мы занимались приобретательством новых установок и понятий, мы успели многое подрастерять. Из всего того, что мы потеряли безвозвратно и так расточительно, помимо всего самобытного прочего, мы лишились главного – своей интеллигентности. Культуры. Нравственных ориентиров.

— **Например?**

— Вот, например, Алма-Ата каких-то 20-25 лет назад была интеллигентным городом. Была у нее своя осанка. Свой неповторимый облик. Не экспортный, как сейчас. Хотя вроде все это было не так давно: фонтаны, апорт, сады, парки, театры – чистота... Но главное – люди. Люди были другими, они были интеллигентнее. Оттого и обстановка общая выглядела не так убого, пусть и беднее.

Вспомни тогдашних Личностей. Вспомни Кунаева. Или Сатпаева. Или Шакена Айманова. Политик, ученый, художник. Что в них общего? В них чувствовался аристократизм. Благонравие. А аристократизм – понятие не социальное, а духовное. Я лично знаю кучу титулованных кретинов с замашками провинциальных лавочников. (Между прочим, в моем «Шале» в главной роли снимался разнорабочий Ерболат Тогузаков с душой степного графа!..) А Айманов, как и Кунаев с Сатпаевым, между прочим, был абсолютно коренным. Казахоязычным, как принято сейчас говорить. Но в то же время он был наднационален. Аристократизм не обязательно и даже не всегда передается по наследству. Это чаще – благоприобретенное качество. Да, все они были коммунистами, атеистами и служили системе, но у кого из нас повернется язык сказать, что они не любили свою землю и вели себя безбожно? Они, как и многие наши отцы, просто оказались детьми своего времени, а эпоху и родителей, как известно, не выбирают. И когда Стивен Сигал при большом скоплении народа и камер возлагал цветы памятнику Шакена Айманова на «Казахфильме», мне почему-то стало не по себе. Как если бы какая-нибудь Аллегрова принесла букетик Куляш Байсеитовой. М-да, метаморфозы...

— **Ты прав, времена не выбирают, в них живут и умирают...**

— Каждому из нас выпадает свое время, вопрос в другом: как ты себя в нем проявишь? Нынче, если ты сумеешь приспособиться, то легко впишешься в новую систему. Нынче в цене пронырливость, полное отсутствие нравственных ориентиров и обостренное чувство самосохранения. А если у тебя проблемы со спиной, то есть, если она не сгибается, – тебя ждут проблемы. Трудно будет держать ее все время ровной и не прогибаться. Мало осталось в наше время людей с прямой спиной.

Старики устали и смирились. Остальные не захотели голодать и быстро сориентировались. Они приняли волчьи законы первыми и разметили лес в пределах своих владений, расставили шлагбаумы. Пока шла грызня за лучшие уголья, молодежь осталась один на один с этим миром и оказалась отравлена влиянием извне. Понятно, мы не можем стоять в стороне от всего, что происходит вокруг, но дело в том, что вместе со всем полезным сюда завезли и всякую заразу. Так конкистадоры перевозили в своих трюмах чумных крыс. И юные организмы легко впитали весь

этот яд. Поэтому, если сюда едет какой-нибудь киркоров (басков, петросян), то он собирает полный зал. Я в своей творческой лаборатории, условно говоря, вырабатываю сыворотку от интоксикации, периодически провожу вакцинации, делаю уколы, а они, обормоты, жалуются, что я делаю им больно. Непонимание – самый крепкий материал, Вадим. Стены, построенные из него, не рушатся и не пробиваются.

Испытание свободой прошли не все. Многие поняли свободу как вседозволенность. Мы же не умеем трудиться и ждать. Нам хочется всего и сразу. А самая короткая дорога обычно – самая грязная. Можно, конечно, собрать грязь и выбросить, а можно замести под холодильник. И вроде как прибрано в доме, но откуда-то вонюю несет.

В одних людях живет Бог, а в других – только глисты

— **Тогда назови – кто виноват? И что делать?**

— Ты говоришь, в старости имеешь то лицо, какое заслуживаешь. Ну, давай о лицах. Раньше я считал, что земное притяжение сильнее всего действует на казахов, поэтому у нас преимущественно кривые ноги. В юности, помнится, когда я знакомился с симпатичными девочками, то лепил им, что играл в баскетбол, но потом в организме произошел какой-то сбой, и я слегка сточился в коленках. Оказывается, оно – это долбаное земное притяжение – действует не только на ноги, но и на лица. Оттого у нас почему-то хмурые лица, с опущенными уголками губ, со сдвинутыми бровями, недовольные. Глазки бегают. Посмотри на наших чинуш – ну почему они такие? На конвейере их выпускают, что ли? Всё притяжение проклятое виновато... И потом, у большинства наших политиков очень низкий болевой порог. Как у бультерьеров. На некоторые вещи у них вообще нет никакой реакции. Стадная мораль, конформизм, иррациональное соглашательство... За долгие годы игр в компромиссы оно, оказывается, атрофируется – чувство боли. Читай: сострадания. Поэтому у них вместо лиц – застывшие маски. Живых эмоций нет. По такому поводу Раневская хорошо высказалась: «Есть люди, в которых живет Бог; есть люди, в которых живет Дьявол; а есть люди, в которых живут только глисты».

— **Тонко подмечено.**

— Сейчас от всего несет жлобством. Быдловатое телевидение. Быдловатая пресса. Быдловатый политический истеблишмент. И – как следствие – быдловатое общество. Я уверен: мы еще не представляем всей глубины собственного падения. Мы еще плохо представляем себе, что нас ждет. И не надо винить в этом чиновников. Не надо все время делать их крайними. Разве можно обвинять волков в том, что они едят овец? И президент не виноват. Во всем виноваты мы сами. Мы имеем то, что заслуживаем. Нельзя ожидать, что на твоей клумбе вырастет роза, если ты посадил репей. Завтра по всему твоему участку разрастется сорняк. И когда-нибудь ты привыкнешь к нему и забудешь, как она вообще пахла и выглядела – эта роза. Она растет на чужой почве и на другой земле. И ты будешь ездить туда поглазеть, подышать и поохать от удивления. Ездим же...

— **Ты так и не назвал имена, клички, пароли, адреса и явки тех, кто довел нас до жизни такой.**

— Я никого не виню персонально, потому что я сам – часть целого. Когда не виноват никто, виноваты все. Следовательно, и я в том числе. И казахами я в данном случае называю всех, кто живет в Казахстане. Ты только представь – целое государство виноватых людей. Страна, живущая с комплексом вины и стыда за свое убожество. Такой страной легко управлять. Что ж, мы сами сделали свой выбор. Интересно: почему, если толпе дается право выбора – кого пощадить, она всегда выбирает не Христа, разбойника Варраву?

На 10 миллионов казахов – один аксакал, да и тот немец

— **Почему человеку, чтобы сохранить в себе человека, с каждым годом приходится платить всё большую цену?**

— Наша жизнь напоминает мне некое Зазеркалье, где есть все из того, что должно быть в обычном доме, но в некоем преломленном свете. Как у Алисы. Ощущение, будто наблюдаешь праздник невежества, пир пошлости и безвкусыя. Карнавал ряженых.

Кончилась эпоха людей. Наступила время теней и второсортных копий. Заменителей всего настоящего. Кто-то же додумался выращивать детей в пробирках. Я вижу в этом «достижении» прямые аналогии. Нет подлинного. Есть суррогат. Заменитель сахара. Заменитель кофе... Заменитель собственно человека. Персоны. Личности.

Народу много – людей не видно. Учителей много – знающих мало. Смотрящих много – зрячих нет. Говорунов развелось – да речи их невняты. Стариков много – аксакалы пропали. Есть лишь один настоящий аксакал, которого я знаю. Это – Бельгер. Дожили. Какой позор! На 10 миллионов казахов – один немец...

Недавно сидим у него на кухне, конину едим. Один уважаемый чиновник регулярно присылает, не буду называть его имени, а то старик без мяса останется. И потом – мне импонирует желание этого человека оставаться инкогнито. Ну так вот, сидим, и я думаю – вот ходит по восьмиметровой кухне Бельгер, ему 77, сахар, давление, нога и все такое... Сколько себя помню, он всю свою писательскую жизнь прожил в этой скромной трехкомнатной квартирке. Архивы хранить негде, кругом книги, тесновато... А за день до этого я был дома у одного мажорика – сына известного крутика. Домик на Кок-Тюбе в три этажа. Автопарк. Машины в гараже выстроены, как лошади на привязи. В понедельник на одной ездит, во вторник – на другой. А приперся я к нему со своим шкурным интересом – денег хотел попросить на следующий фильм. Но чего-то язык у меня не повернулся, так и присидел, слушая его бред про тюнингový мерс.

И вот смотрю я на Бельгера и думаю – почему так? Кто для казахов сделал в современной литературе и просветительстве больше Бельгера? Пожалуй – никто. Кто высказывает по разным поводам неудобную правду? К кому прислушивается народ? И вообще, кто займет его место, когда он уйдет? Даже боюсь об этом думать...

А возьми сейчас Есимов и выдели Бельгеру квартиру пошире, так вряд ли старик туда переедет. Не надо уже. Зачем? Лучше никогда, чем поздно.

— **Говорят, богатый человек не тот, у которого все есть, а тот, кто ни в чем не нуждается.**

— А нам всего мало, поэтому мы вряд ли когда разбогатеем. Потому что мы так долго жили впроголодь, что теперь пытаемся набить брюхо про запас. Так уж повелось: бай и после экспроприации живет размашисто, а внезапно раскрутившийся босяк по ночам сухарь под подушку прячет.

У нас не общество в нищете. У нас – нищета в обществе. Профессор Преображенский насчет этого уже говорил. Сейчас я тоже стараюсь не смотреть телевизор и не читать газет – мешает пищеварению. А попадется иной раз в руки какая-нибудь чернуха – кипеть начинаю. Я ведь конфликтный человек. Часто попадаю в ситуации, когда нужно за что-то или за кого-то бороться. Не знаю, почему так получается? Вроде спокойный мирный. Книжки умные читаю. Вилку в левой руке держу, нож – в правой. Но ничего. Успокаиваю себя мыслью, что мирно живут только те, кому не за что драться.

«Для того, чтобы быть счастливым, нужно иметь хороший желудок, злое сердце и не иметь совести». Это Дидро сказал. Про нас как будто, да? Я каждый день встречаю совершенно счастливых людей, внезапно раскрутившихся граждан своей многострадальной родины. Много их, много. И когда мне среди всего этого повального счастья становится совсем невмоготу – книжки пишу. Или в Степь уезжаю, в горы, в пустыни – кино снимать.

Кабуки и кабукционеры

— **После первого нашего интервью некоторые комментаторы упрекали тебя в излишней категоричности и чрезмерной резкости, даже очернении...**

— Я где-то слышал: если к килограмму говна добавить десять кило меда, получится одиннадцать кило говна. Прикольно, да?

Смотрю иногда: одни коррупционеры борются с другими коррупционерами, как с собственной тенью, – и смешно становится. Для кого этот японский театр кабуки? Герцен заметил как-то: «Если бы в России выполнялись все законы и никто бы не брал взятку, жизнь в ней была бы совершенно невозможна». Надо же, как он своих!

Ты, наверное, думаешь, что я один такой черненький, когда кругом все беленькие. Все хаю, и ничего мне не нравится. Это не так. Иначе зачем бы вернулся сюда из-за бугра? А насчет высказываний: ты пойми, я не хамлю, просто люди иногда обижаются на правду. Ведь многие так думают, просто в силу разных причин не могут говорить: сужу об этом хотя бы по комментариям к тому нашему интервью. Кто-то на систему работает, у кого-то родители или родственники «завязаны», кто-то за бизнес свой переживает, у кого-то просто нет возможности быть услышанным и т.д. Да что там говорить! У меня самого есть кенты во власти, так многие из них давно плюются, но молча катят дальше эту тележку. А куда деваться? Человек, сочетавшийся браком с властью, уже не принадлежит себе. Он принадлежит этой власти и тем, кто ее олицетворяет. То есть людям, за которыми стоят их интересы. Раньше ведь работали за Идею, а сейчас – за интерес. Получается, он принадлежит вполне конкретным вещам и вынужден выполнять свои «супружеские обязанности». Самая распространенная поза – в положении снизу, потому что сразу вверх не допустят. Отработай сначала свое, а как поднатореешь – там посмотрим. Может, и поменяемся местами – будешь, сынок, и ты когда-нибудь «миссионером».

— **И где место думающего человека в этом соитии?**

— Вот у Тютчева есть: «Русская история до Петра Великого – сплошная панихида, а после Петра – одно уголовное дело».

Лично я не хочу участвовать в этой «групповухе». Лучше уж буду тем самым микрофоном, который фонит и поет не таким ангельски сладким голосом. В этом ведь тоже есть свои плюсы. Впрочем, Господь не зря дал мне два уха и один язык. Наверное, этим он дал мне понять, чтобы я больше слушал и меньше говорил. Но я сейчас ничего не снимаю, поэтому могу сидеть тут с тобой и тархтеть за жизнь. И потом, я не хочу участвовать в борьбе тщеславий. Я лишь хочу быть чьим-то утешением. На большее претензий не осталось.

Что я делаю? Я беру свою дудочку и играю тихо в углу свой мотив. Возможно, он сильно контрастирует со всем тем, что звучит вокруг. Что делать, в хоре не получается. Зато у кого-то настроение поднимется, а кто-то, может, и задумается.